

СВОБОДА ВЫРАЖЕНИЯ МНЕНИЯ, СВОБОДА СОБРАНИЙ И АССОЦИАЦИЙ

Статья 19

1. Каждый человек имеет право беспрепятственно придерживаться своих мнений.
2. Каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; это право включает свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи, независимо от государственных границ, устно, письменно или посредством печати или художественных форм выражения, или иными способами по своему выбору.
3. Пользование предусмотренными в пункте 2 настоящей статьи правами налагает особые обязанности и особую ответственность. Оно может быть, следовательно, сопряжено с некоторыми ограничениями, которые, однако, должны быть установлены законом и являться необходимыми:
 - а) для уважения прав и репутации других лиц;
 - б) для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения.

Статья 20

1. Всякая пропаганда войны должна быть запрещена законом.
2. Всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, должно быть запрещено законом.

Статья 21

Признается право на мирные собрания. Пользование этим правом не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые налагаются в соответствии с законом и которые необходимы в демократическом обществе в интересах государственной или общественной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения или защиты прав и свобод других лиц.

Статья 22

1. Каждый человек имеет право на свободу ассоциации с другими, включая право создавать профсоюзы и вступать в таковые для защиты своих интересов.
2. Пользование этим правом не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусматриваются законом и которые необходимы в демократическом обществе в интересах государственной или общественной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения или защиты прав и свобод других лиц. Настоящая статья не препятствует введению законных ограничений пользования этим правом для лиц, входящих в состав вооруженных сил и полиции.
3. Ничто в настоящей статье не дает право Государствам, участвующим в Конвенции Международной организации труда 1948 года относительно

но свободы ассоциаций и защиты права на организацию, принимать законодательные акты в ущерб гарантиям, предусматриваемым в указанной Конвенции, или применять закон таким образом, чтобы наносился ущерб этим гарантиям.

ВВЕДЕНИЕ

Свобода мнения и выражения, право на мирные собрания и свобода ассоциаций – эти права составляют основу так называемых политических прав, закрепленных в Международном пакте о гражданских и политических правах, они дополняются более конкретным положением о праве на участие в государственных делах, предусмотренным в статье 25. Несмотря на центральную роль этих прав в общей структуре прав человека, прецедентное право Комитета до настоящего времени остается относительно недостаточным и неисчерпывающим в том, что касается потенциальных правовых вопросов. Это особенно относится к статьям 21 и 22, по которым Комитет до сих пор даже не принял замечаний общего порядка.

В каждую из статей 19, 21 и 22 включены положения о законных ограничениях рассматриваемых в этих статьях прав. Такие ограничения должны быть “установлены законом” (пункт 3 статьи 19), должны устанавливаться “в соответствии с законом” (статья 21), или “предусматриваться законом” (пункт 2 статьи 22). Кроме того, ограничения должны быть “необходимыми” (пункт 3 статьи 19) или “необходимы в демократическом обществе” (статьи 21 и 22). Более того, любое ограничение должно служить достижению одной из законных целей, упомянутых в пункте 3 (а) или (б) статьи 19, в статье 21 или в пункте 2 статьи 22. Статья 20 Пакта является очень специфичной по своей природе, потому что в ней не только допускается ограничение, но содержится положение, *обязывающее* государств-участников налагать определенные ограничения на свободу выражения, а именно запрещать пропаганду войны и выступления в пользу разжигания ненависти, представляющие собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию¹.

Статья 19 о свободе выражения мнения стала основой для многих сообщений, а также для принятого Комитетом Замечания общего порядка². *Муконг против Камеруна* – это первое из приведенных в данном разделе дел. В этом деле Комитет пришел к заключению, что даже если защита национального единства может считаться законной целью, арест, продолжительное содержание под стражей и составляющее нарушение статьи 7 обращение с автором, который выступал за многопартийную демократию, не может рассматриваться как законное ограничение по смыслу статьи 19.

¹ См. Замечание общего порядка № 11 (19), принятое в 1983 году. UN doc. HRI/GEN/1/Rev.5, сс. 120-121.

² Замечание общего порядка № 10 (19), принятое в 1983 году. UN doc. HRI/GEN/1/Rev.5, сс. 119-120.

В деле *Лео Р. Херцберг и другие против Финляндии* (Сообщение № 61/1979) в центре внимания также был вопрос о законных ограничениях³. Комитет определил, что Финляндию, как государство-участника, можно считать ответственной за такие ограничения свободы выражения мнения, которые являются результатом политических решений Финской радиовещательной корпорации, учитывая, что государство владеет 90% акций этой корпорации, находящейся под особым общественным контролем. Тем не менее, учитывая, что “ответственным национальным властям” должна предоставляться “определенная свобода действий” в вопросе защиты общественных нравственных норм, одной из законных целей для ограничения свободы выражения мнения, упомянутой в пункте 3 статьи 19, не было установлено никакого нарушения Пакта в связи с тем, что компания решила не выпускать в эфир определенные программы о гомосексуальных отношениях, “так как такая программа могла быть воспринята как поощрение гомосексуального поведения”⁴.

Приведенное ниже дело *Фориссон против Франции* является прецедентным делом Комитета по вопросу о ревизионизме или отрицании Холокоста. Автор, бывший профессор литературы, был осужден за то, что оспаривал историческую правду о преступлениях против человечества, совершенных нацистами. Рассматривая различные элементы ограничительного положения из пункта 3 статьи 19, Комитет пришел к выводу, что нарушения этого положения не было. В подобном деле *Малькольм Росс против Канады* (Сообщение № 736/1997)⁵ автор был переведен с должности учителя на другую должность вследствие его общественной деятельности в нерабочее время, которая была признана дискриминационной по отношению к лицам еврейской национальности и приверженцам иудаизма и которая, по мнению следственного совета, способствовала преследованиям еврейских детей в школе. Комитет принял точку зрения о том, что увольнение автора с должности учителя было законным ограничением его свободы выражения мнения. Однако, в отличие от дела *Фориссона*, для обоснования своего вывода Комитет сделал ссылку на статью 20.

³ *Лео Р. Херцберг и другие против Финляндии* (Сообщение № 61/1979), Соображения, принятые 2 апреля 1982 года, Доклад Комитета по правам человека, GAOR, тридцать седьмая сессия, Дополнение № 40 (A/37/40), сс. 161-167.

⁴ Комитет также ссылается на положение из пункта 2 статьи 19, согласно которому свобода выражения мнения влечет за собой особые обязанности и ответственность, а также на возможное “вредное воздействие на несовершеннолетних”. В совместном совпадающем мнении г-н Опсала, г-н Лаллах и г-н Тарнопольский подчеркнули, что, так как даже на средства массовой информации, контролируемые государством, нельзя возлагать обязанность публиковать всё, что может быть опубликовано, невозможно было применить критерий из пункта 3 статьи 19 при рассмотрении рамок ограничений, взятых на себя конкретным средством массовой информации в соответствии с политикой составления программы.

⁵ *Малькольм Росс против Канады* (Сообщение № 736/1997), Соображения, принятые 18 октября 2000 года, Доклад Комитета по правам человека, Vol. II, UN doc. A/56/40 (Vol. II), сс. 69-87.

В деле *Росса* никоим образом не подразумевается, что гражданские служащие не должны пользоваться свободой выражения своего мнения. Нарушения статьи 19 были установлены, например, в делах *Адимайо М. Адуаим, Софиану Т. Диассо и Яво С. Добу против Того* (Сообщения №№ 422–424/1990), в отношении двух университетских преподавателей и одного инспектора министерства⁶.

Как видно из соображений Комитета по делам, представленным во второй части данного раздела, свобода выражения мнения защищает право выбирать язык общения и язык коммерции. Дела *Баллантайна и других против Канады* были представлены жителями франкоговорящей провинции Квебек, для которых английский язык является родным и которые пострадали от того, что в этой провинции был принят запрет на использование других языков кроме французского в рекламных целях. Комитет определил, что такое ограничение свободы выражения мнения не может считаться необходимым для защиты уязвимого положения франкоязычной группы населения в Канаде, и что имело место нарушение пункта 2 статьи 19. В своем обосновании Комитет заявил, что хотя государство может выбрать один или несколько официальных языков, оно не может лишать людей, вне сферы государственного управления, права на свободное выражение своего мнения на языке по своему выбору. В более позднем подобном деле *Я.Г.А. Дирхардт и другие против Намибии* (Сообщение № 760/1997) было установлено нарушение статьи 26 в связи с тем, что региональные власти запретили государственным служащим отвечать на телефонные звонки или письма на языке африкаанс, даже когда такие служащие могли и хотели отвечать на этом языке вместо официального английского языка. Хотя это дело можно рассматривать с точки зрения свободы выражения мнения, включающей не только право на выражение мнения, но также право искать и получать идеи и информацию, следует отметить, что Комитет определил нарушение только статьи 26, но не статьи 19⁷.

В некоторых делах, рассматривавшихся Комитетом в связи с правом на свободу выражения мнения, поднимался также вопрос о свободе ассоциаций. В деле *Пак против Республики Корея* автор был осужден в соответствии с Законом о национальной безопасности за деятельность, которую можно было рассматривать как осуществление права на свободу выражения мнения и свободу ассоциаций. Однако, учитывая, что государство-участник сделало ого-

⁶ *Адимайо и другие против Того* (Сообщения №№ 422–424/1990), Соображения, принятые 12 июля 1996 года, Доклад Комитета по правам человека, Vol. II, GAOR, пятьдесят первая сессия, Дополнение № 40 (A/51/40), сс. 17–24.

⁷ *Я.Г.А. Дирхардт и другие против Намибии* (Сообщение № 760/1997), Соображения, принятые 25 июля 2000 года, Доклад Комитета по правам человека, Vol. II, GAOR, пятьдесят пятая сессия, Дополнение № 40 (A/55/40), сс. 133–160. Четыре члена Комитета (г-жа Эватт, г-н Кляйн, г-н Кретцмер и г-жа Медина Кирого) представили совместное особое мнение, в котором они пришли к выводу о том, что имело место также нарушение статьи 19. Шесть членов (г-н Амор, г-н Андо, г-н Бхагвати, лорд Колвилл, г-н Лаллах и г-н Ялден) высказали мнение о том, что не были нарушены ни статья 19, ни статья 26.

ворку, согласно которой статья 22 будет применяться лишь тогда, когда законодательство государства-участника будет приведено в соответствие с этой статьей, и, принимая во внимание, что автор не ссылаясь на статью 22, Комитет решил рассмотреть все аспекты дела с учетом статьи 19. Хотя государство-участник привлекало соображения “национальной безопасности” в качестве цели, преследовавшейся в ходе уголовного преследования и осуждения автора за его деятельность, Комитет высказал свою точку зрения о том, что государство-участник не смогло конкретизировать точный характер угрозы, которую, по его утверждению, представляла собой деятельность автора, и доказать, что осуждение автора было необходимо для защиты какой-либо из законных целей, предусмотренных в пункте 3 статьи 19. В этом деле было установлено нарушение статьи 19, такие же нарушения были определены также в делах *Чон Кю Сон против Республики Корея* (Сообщение № 518/1992) и *Гэн-Дэ Ким против Республики Корея* (Сообщение № 574/1994).⁸

В деле *Роберт У. Готье против Канады* (Сообщение № 633/1995) было установлено нарушение статьи 19⁹. Автору сообщения, журналисту, было отказано в доступе к материалам и техническим средствам в Парламенте в связи с тем, что он не являлся членом “Канадской парламентской пресс-галереи”, при этом автор не имел возможности обратиться в суды или в Парламент, чтобы определить законность такого исключения. Семь членов Комитета¹⁰, однако, пришли к выводу о том, что имело место также нарушение статьи 22, так как, по их мнению, связь между доступом к материалам и техническим средствам и членством в “Канадской парламентской пресс-галерее” являлась нарушением права автора не быть принуждаемым к вступлению в ассоциацию.

Кроме того, в контексте статьи 22 можно упомянуть два решения о неприемлемости сообщения, принятых в середине 1980-х гг. В деле *М.А. против Италии* (Сообщение № 117/1981)¹¹ Комитет сослался, помимо ограничительных положений из статей 19 и 22, на статью 5, когда объявил сообщение несовместимым с положениями Пакта и, следовательно, неприемлемым, так как оно было представлено от имени лица, осужденного за попытку реор-

⁸ *Чон Кю Сон против Республики Корея* (Сообщение № 518/1992), Соображения, принятые 19 июля 1995 года, Доклад Комитета по правам человека, Vol. II, GAOR, пятидесятая сессия, Дополнение № 40 (A/50/40), сс. 98-104. *Гэн-Дэ Ким против Республики Корея* (Сообщение № 574/1994), Соображения, принятые 3 ноября 1998 года, Доклад Комитета по правам человека, Vol. II, GAOR, пятьдесят четвертая сессия, Дополнение № 40 (A/54/40), сс. 1-11.

⁹ *Роберт У. Готье против Канады* (Сообщение № 633/1995), Соображения, принятые 7 апреля 1999 года, Доклад Комитета по правам человека, Vol. II, GAOR, пятьдесят четвертая сессия, Дополнение № 40, сс. 93-110.

¹⁰ Г-н Бхагвати, лорд Колвилл, г-жа Эватт, г-н Кретцмер, г-н Лаллах, г-жа Медина Кирога и г-н Солари Иригойен.

¹¹ *М.А. против Италии* (Сообщение № 117/1981), Решение о неприемлемости принято 10 апреля 1984 года, Доклад Комитета по правам человека, GAOR, тридцать девятая сессия, Дополнение № 40 (A/39/40), сс. 190-196.

ганизации расформированной фашистской партии. Решение о неприемлемости в деле *Д.Б. и другие против Канады* (Сообщение № 118/1982) обосновывалось тем, что “право создавать профсоюзы и вступать в таковые” из статьи 22 не распространяется на право на забастовку¹².

Единственное дело, которое до настоящего времени рассматривалось по статье 21, *Кивенмаа против Финляндии*, является пятым и последним делом, которое приводится в данном разделе. Автор и члены ее организации участвовали в демонстрации против нарушений прав человека в другой стране. Они распространяли листовки и поднимали плакаты, находясь в числе более крупной группы лиц, собравшихся приветствовать лидера другой страны, прибывшего в Финляндию с официальным визитом. Не подвергая сомнению совместимость со статьей 21 закона, содержащего требование уведомлять полицию о намерении провести манифестацию в общественном месте за шесть часов до ее начала, Комитет, тем не менее, пришел к выводу, что в обстоятельствах данного дела вмешательство полиции и последующее решение суда о назначении автору наказания в виде уплаты штрафа выходит за рамки законных ограничений. Комитет определил, что имело место нарушение статей 19 и 21.

31. СООБЩЕНИЕ № 458/1991, АЛЬБЕРТ ВОМАХ МУКОНГ ПРОТИВ КАМЕРУНА

Доклад Комитета по правам человека, том II, GAOR, сорок девятая сессия, Дополнение № 40 (A/49/40), сс. 171-182. Примечания и сноски опущены.

Дата сообщения: 26 февраля 1991 года

Соображения приняты: 21 июля 1994 года (пятьдесят первая сессия)

Соображения в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Автор сообщения является Альберт Вомах Муконг, гражданин Камеруна, родившийся в 1933 году. Он утверждает, что является жертвой нарушения Камеруном статьи 7, пунктов 1-5 статьи 9, пункта 4 статьи 12, пунктов 1 и 3 статьи 14 и статьи 19 Международного пакта о гражданских и политических правах. Он представлен адвокатом. Факультативный протокол вступил в силу для Камеруна 27 сентября 1984 года.

Факты, изложенные автором сообщения

2.1 Автор является журналистом и писателем, в течение длительного времени выступавшим против однопартийной системы в Камеруне. Он неоднок-

¹² *Д.Б. и другие против Канады* (Сообщение № 118/1982), решение о неприемлемости принято 18 июля 1986 года, Доклад Комитета по правам человека, GAOR, сорок первая сессия, Дополнение № 40 (A/41/40), сс. 151-163. Пять членов Комитета (г-жа Хиггинс, г-н Лаллах, г-н Мавромматис, г-н Опсал и г-н Вако) представили отдельное мнение. Их точка зрения нашла некоторую поддержку, так как позднее Комитет в своих заключительных замечаниях по докладам стран высказал предположение, что статья 22 может привлекаться для обеспечения защиты права на забастовку. См., например, UN doc. CCPR/C/95/Add.11, Заключительные замечания по Чили (1999), пункт 25.

ратно публично высказывался за введение многопартийной демократии в Камеруне и осуществлял деятельность по созданию новой политической партии в стране. Он утверждает, что были запрещены либо публикация, либо распространение некоторых из написанных им книг. Летом 1990 года он выехал из Камеруна и в октябре 1990 года попросил убежище в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии. В декабре 1990 года его жена выехала из Камеруна в Нигерию с двумя младшими детьми.

2.2 16 июня 1988 года автор был арестован после того, как он дал интервью корреспонденту компании Би-Би-Си, в котором он критиковал как президента Камеруна, так и правительство. Он заявляет, что, находясь под стражей, он не только подвергался допросам в связи с данным им интервью, но также и жестокому и бесчеловечному обращению. Он указывает, что с 18 июня по 12 июля он постоянно содержался под стражей в первом полицейском участке Яунде, в камере площадью около 25 кв. м вместе с 25-30 другими задержанными. В камере не было санитарных удобств. Поскольку власти вначале отказались кормить его, автор находился без пищи в течение нескольких дней до тех пор, пока его друзья и семья не смогли установить его местонахождение.

2.3 С 13 июля по 10 августа 1988 года г-н Муконг содержался в камере Главного управления уголовной полиции Яунде вместе с обычными преступниками. Он утверждает, что ему не позволяли носить свою одежду и заставляли спать на бетонном полу. В течение двух недель содержания под стражей в таких условиях у него возникло воспаление органов дыхания (бронхит). После этого ему позволили носить свою одежду и использовать старый картон вместо матраца.

2.4 5 мая 1989 года автор был освобожден, однако 26 февраля 1990 года он был вновь арестован после проведения 23 января 1990 года собрания, в ходе которого ряд лиц, включая автора, (публично) обсуждали пути и средства введения системы многопартийной демократии в Камеруне.

2.5 В период с 26 февраля по 23 марта 1990 года г-н Муконг содержался под стражей в лагере Мбопе мобильной смешанной бригады в Дуала, где ему, как утверждается, было отказано во встрече с его адвокатом, женой и друзьями. Он заявляет, что его подвергали запугиванию и психологической пытке, а также угрожали поместить в камеру пыток или расстрелять в том случае, если среди населения возникнут беспорядки. Он воспринял эти угрозы очень серьезно, поскольку двое из его коллег по оппозиции, находившиеся под стражей вместе с ним, действительно подвергались пыткам. Однажды, по его словам, его на целые сутки поместили в камеру, где было очень жарко (температура свыше 40° С). В другой день его, как утверждается, избил тюремный надзиратель, когда он отказался принимать пищу.

2.6 Автор утверждает, что в его распоряжении не осталось эффективных средств правовой защиты, которые он должен был бы исчерпать [...]. В связи с его арестами в 1988 и 1990 годах он заявляет, что, несмотря на то, что указ 62/OF/18 от 12 марта 1962 года, на основании которого он был обвинен во “введении в

заблуждение национального и международного общественного мнения”, был отменен в соответствии с законом 090/046 от 19 декабря 1990 года, фактом остается то, что во время его ареста мирное публичное выражение своего мнения считалось преступлением [...]. Отмена указа 1962 года в 1990 году не принесла автору никакой пользы, поскольку факт отмены не означал, что он может оспорить законность своего содержания под стражей в период тюремного заключения, а поскольку отмена не имеет обратной силы, она не дает ему возможности добиваться компенсации в связи с незаконным содержанием под стражей.

2.7 Далее автор заявляет, что следственный судья суда Бафуссама признал его виновным по предъявленным обвинениям и на основании постановления от 25 января 1989 года передал его дело военному суду. [...]

2.8 Отмечается, что адвокат автора дважды обращался в Верховный суд Камеруна с просьбой об издании приказа хабеас корпус. Оба ходатайства были отклонены на том основании, что дело автора находилось на рассмотрении военного суда, и что средство правовой защиты хабеас корпус не может применяться в случае обвинений, подлежащих рассмотрению военным судом. [...]

2.9 В отношении средств правовой защиты от жестокого, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения и пыток автор отмечает, что прокурор [...] может возбудить лишь гражданскую процедуру в связи с жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство обращением от имени лица, в отношении которого ведется уголовное разбирательство. Согласно разделу 5 указа 72/5 от 26 августа 1972 года, военный суд не может рассматривать гражданский иск отдельно от уголовного, в отношении которого он обладает компетенцией. Лишь министерство обороны или следственный судья могут возбудить в военном суде гражданский иск; гражданские лица этого сделать не могут. [...] Он делает вывод о том, что продолжение использования внутренних средств правовой защиты было бы неэффективным и что, если бы он начал подобные процедуры, он вновь бы подвергся преследованиям.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что обращение, которому он подвергся в период между 18 июня и 10 августа 1988 года, а также во время своего содержания под стражей в лагере Мбопе, представляет собой нарушение статьи 7 Пакта.

3.2 Далее автор говорит о нарушении статьи 9, поскольку ему не был предъявлен ордер на арест 16 июня 1988 года. Обвинения были предъявлены лишь два месяца спустя. Кроме того, военный суд, назначенный для рассмотрения его дела, неоднократно откладывал его слушание до 5 мая 1989 года, когда он объявил, что глава государства распорядился снять обвинения с автора сообщения и освободить его. Он вновь был арестован 26 февраля 1990 года без предъявления ордера на арест. На этот раз обвинения были предъявлены лишь через месяц.

3.3 Далее утверждается, что власти государства-участника нарушили пункты 1 и 3 статьи 14 в том смысле, что автору не были подробно изложены выдвинутые против него обвинения; ему также не было предоставлено время для надлежа-

щей подготовки своей защиты. Автор заявляет, что суд – в данном случае военный суд – не был независимым и беспристрастным, поскольку он совершенно очевидно находился под влиянием высокопоставленных должностных лиц. [...]

3.4 Автор отмечает, что его аресты 16 июня 1988 года и 26 февраля 1990 года были связаны с его деятельностью в качестве приверженца многопартийной демократии, и заявляет, что такими мерами правительство пытается ликвидировать любую оппозиционную деятельность в нарушение статьи 19 Пакта. Это также относится к запрету правительством в 1985 году написанной автором книги “Заключенный без преступления”, в которой он описал свое содержание под стражей в местных тюрьмах с 1970 года по 1976 год.

3.5 Наконец, он заявляет, что пункт 4 статьи 12 был нарушен, потому что ему препятствуют возвратиться в свою страну. В самом деле, он был уведомен о том, что, если он вернется в Камерун, то будет вновь немедленно арестован властями. [...]

Информация и замечания государства-участника

4.1 Государство-участник перечисляет факты, приведшие к аресту автора сообщения. Согласно государству-участнику, интервью, данное автором компании Би-Би-Си 23 апреля 1988 года, было наполнено полуправдой и ложью, каковой являлось, в частности, утверждение о том, что экономический кризис в стране в значительной степени вызван самими камерунцами, а также намеки на широко распространенную коррупцию и присвоение средств должностными лицами самого высокого уровня, которые остаются безнаказанными. Автор был арестован после выхода в эфир этого интервью, поскольку, по мнению государства-участника, он не смог обосновать свои заявления. Эти заявления оценивались государством-участником как “введение в заблуждение национального и международного общественного мнений”, т.е. как подрывная деятельность по смыслу Указа № 62/OF/18 от 12 марта 1962 года. Согласно постановлению заместителя министра обороны от 5 января 1989 года, автор был обвинен в подрывной деятельности следственным судьей военного суда Бафуссама. 4 мая 1989 года заместитель министра распорядился закрыть следствие по делу автора; это решение было доведено до его сведения 5 мая 1989 года.

4.2 В отношении утверждений автора в связи со статьей 7 государство-участник заявляет, что автор не ходатайствовал о возбуждении судебного преследования в отношении лиц, которых он считает виновными в применявшемся к нему обращении. [...]

4.3 В отношении правовой основы ареста г-на Муконга в 1988 и 1990 годах государство-участник отмечает, что Указ 62/OF/18 был отменен Законом № 090/046 от 19 декабря 1990 года.

Решение комитета о приемлемости

5.1 На своей сорок пятой сессии Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости данного сообщения. Он принял во внимание утверждение государства-участ-

ника о том, что автор не использовал судебные средства защиты в связи с жалобами на грубое, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение в период его содержания под стражей. Вместе с тем Комитет отметил, что государство-участник лишь перечислило *in abstracto* наличие некоторых средств правовой защиты, не увязав их с обстоятельствами дела и не показав, каким образом они могли бы обеспечить эффективное восстановление нарушенных прав в обстоятельствах данного дела. Это, в частности, относится к периоду содержания под стражей с 26 февраля по 23 марта 1990 года, когда автор сообщения, по утверждениям, содержался в изоляции и подвергался угрозам. Комитет пришел к выводу о том, что в данных обстоятельствах к автору нельзя предъявлять претензии в связи с тем, что он не обратился в суды после своего освобождения и что, если государство-участник не представит дополнительную информацию, можно говорить об отсутствии у автора других эффективных внутренних средств правовой защиты, которые он мог бы исчерпать.

5.2 В отношении жалоб автора сообщения на основании статей 9, 14 и 19 Комитет отмечает, что простая отмена закона, рассматривавшегося в качестве несовместимого с положениями Пакта [...] не представляет собой эффективно-го средства правовой защиты от каких-либо нарушений прав того или иного лица, которые имели место ранее на основании отмененного закона. Поскольку государство-участник не продемонстрировало наличия других средств правовой защиты в связи с этими жалобами, Комитет считает их приемлемыми.

5.3 В этой связи 8 июля 1992 года Комитет объявил данное сообщение приемлемым, сохранив, однако, за собой право пересмотреть свое решение на основании пункта 4 правила 93 правил процедуры в отношении жалобы автора в связи со статьей 7.

[...]

6.1 В своем представлении на основании пункта 2 статьи 4 Факультативного протокола государство-участник заявляет, что причины, по которым данное сообщение было объявлено приемлемым, более не действуют, и в этой связи просит Комитет пересмотреть его решение о приемлемости.

6.2 Еще раз оспорив точность изложения фактов автором сообщения, государство-участник рассматривает его жалобы. В отношении предполагаемого нарушения статьи 7 в связи с условиями содержания автора под стражей государство-участник отмечает, что статья 1 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания гласит, что термин “пытка” не включает боль или страдание, которые возникают лишь в результате законных санкций, неотделимы от этих санкций или вызываются ими случайно. Оно добавляет, что ситуацию и условия содержания в тюрьмах страны надлежит связывать с состоянием экономического и социального развития Камеруна.

6.3 Государство-участник категорически отрицает тот факт, что г-н Муконг в течение периода его содержания под стражей в июне 1988 года или в феврале/марте 1990 года подвергался пыткам или жестокому, бесчеловеч-

ному и унижающему достоинство обращению. Оно заявляет, что бремя доказывания соответствующих утверждений ложится на автора [...].

6.4 Государство-участник [...] выражает несогласие с правовой практикой Комитета, согласно которой внутренние средства правовой защиты должны быть не только доступными, но также и эффективными. Оно далее оспаривает утверждение автора, [...] и ссылается в этой связи на раздел 8 (2) Указа 72/5 от 26 августа 1972 года, с изменениями, внесенными на основании Закона 74/4 от 16 июля 1974 года. Это положение гласит, что обращение в военный суд допустимо либо непосредственно по просьбе министра обороны, по просьбе следственного судьи [...] или по решению апелляционного суда. Государство-участник указывает, что пути обжалования в этом суде чрезвычайного характера свидетельствуют о том, что его функции являются чисто репрессивными. Однако это не исключает возможности для отдельного лица предъявить гражданский иск в уголовном процессе [...]. В любом случае остается возможность предъявления гражданских исков о возмещении ущерба в обычные суды.

[...]

6.6 Государство-участник заявляет, что аресты автора сообщения в июне 1988 года и феврале 1990 года не могут квалифицироваться как произвольные, поскольку они были связаны с его деятельностью в качестве активиста оппозиции, которая рассматривалась как незаконная. Оно отрицает, что автору не было обеспечено право на справедливое судебное разбирательство и что его право на свободное выражение своего мнения было нарушено.

6.7 В этой связи государство-участник заявляет, что арест автора за его деятельность и формы выражения своего мнения охватывается ограничительной оговоркой пункта 3 статьи 19 Пакта. Оно заявляет, что при осуществлении права на свободное выражение своего мнения надлежит учитывать политический контекст и ситуацию в стране в конкретный промежуток времени [...].

[...]

6.9 В отношении утверждений в связи со статьями 9 и 14 государство-участник заявляет, что следственный судья, передавший дело автора сообщения в военный суд в январе 1989 года, не превысил своих полномочий, а лишь установил, подтверждалось ли доказательствами обвинение, выдвинутое против автора сообщения. В отношении утверждений автора о том, что он не был уведомлен о причинах его ареста, и о том, что ему не был предъявлен ордер на арест, государство-участник заявляет, что пункт 2 статьи 8 Закона 72/5 от 26 августа 1972 года, регулирующей соответствующую процедуру, был применен надлежащим образом.

6.10 В этой связи государство-участник утверждает, что на основании решения следственного судьи о передаче дела в военный суд на автора не был выдан ордер на арест, а он просто был заключен под стражу [...]. Решение от 25 января 1989 года было доведено до его сведения должным образом. По мнению государства-участника, в этом решении надлежащим образом указаны все

обвинения, предъявленные автору, а также причины его ареста. Таким образом, уведомление об этом решении автора сообщения соответствует положениям статьи 9 Пакта. В отношении неоднократных отсрочек рассмотрения указанного дела до 5 мая 1989 года государство-участник заявляет, что они обусловлены просьбами автора сообщения о предоставлении услуг компетентного адвоката с целью организации его защиты. Следовательно, отсрочки имели место по вине г-на Муконга. Что касается второго ареста (февраль 1990 года), то в отношении автора не был выписан ордер на арест, а лишь вручена повестка в суд по ходатайству министра обороны. Таким образом, в этих обстоятельствах его не нужно было уведомлять об ордере на арест [...].

[...]

6.12 Наконец, государство-участник заявляет, что утверждение автора о том, что ему было отказано в праве на возвращение в свою страну (пункт 4 статьи 12), лишено оснований. Нет ни одного закона, регламента или указа, содержащего соответствующий запрет. Отмечается, что г-н Муконг покинул Камерун по своей доброй воле, и он свободно может вернуться в страну, когда сам того пожелает.

7.1 В своих комментариях автор утверждает, что в отношении исков о компенсации за грубое обращение или применение пыток не существует соответствующих или эффективных путей добиться восстановления нарушенных прав в национальных судах. Согласно действующим законам, предъявление любого такого иска требует разрешения правительственного органа, например министерства юстиции или министерства обороны. [...]

7.2 Автор далее заявляет, что такое обращение, которому он подвергся в период содержания под стражей, не может оправдываться законностью примененных против него санкций, поскольку в первом случае (1988 год) выдвинутые против него обвинения были сняты по указанию заместителя министра обороны, а во втором случае (1990 год) он был оправдан. Он оспаривает утверждение государства-участника, согласно которому условия содержания под стражей вызваны слабым развитием страны, и отмечает, что если принимать этот аргумент, то любая страна всегда могла бы, прикрываясь своей бедностью, оправдать постоянные нарушения прав человека.

[...]

7.6 Автор оспаривает утверждение государства-участника о том, что он сам виновен в задержке вынесения решения по его делу в 1989 году. Он утверждает, что он лишь однажды просил отсрочить слушание дела и был готов к своей защите 9 февраля 1989 года. С этой даты его адвокаты присутствовали на заседаниях суда [...]. Автор подчеркивает, что он не просил о других отсрочках.

7.7 Наконец, автор отмечает, что он может вернуться в свою страну лишь благодаря “дипломатической инициативе некоторых крупных держав, которые привержены делу прав человека”. Он отмечает, что, хотя его открыто не преследовали за его прошлую деятельность, он был вновь арестован

вместе с другими защитниками многопартийной демократии и прав человека 15 октября 1993 года в городе Ком. Он говорит о том, что он и другие лица были доставлены в бесчеловечных условиях в город Баменда, где их освободили во второй половине дня 16 октября 1993 года. Наконец, автор отмечает, что запрет на распространение его книги “Заключенный без преступления” был снят, по-видимому, после того, как он направил жалобу в Комитет по правам человека. В настоящее время книга распространяется свободно, однако заявление государства-участника в его замечаниях по существу жалобы о том, что книга никогда не запрещалась, не соответствует истине.

Пересмотр решения о приемлемости и рассмотрение вопроса по существу

8.1 Комитет принял к сведению просьбу государства-участника о пересмотре решения о приемлемости от 8 июля 1992 года на основании пункта 4 правила 93 правил процедуры, а также замечания автора по этой просьбе. Он пользуется этой возможностью, для того чтобы дополнить свои заключения в отношении приемлемости.

8.2 В связи с заявлением государства-участника о том, что для целей пункта 2b статьи 5 Факультативного протокола внутренние средства правовой защиты должны быть лишь доступными, но необязательно эффективными, Комитет ссылается на свою установившуюся правовую практику, согласно которой средства правовой защиты, не обеспечивающие разумную перспективу успеха, не обязательно должны исчерпываться для целей Факультативного протокола. Он не видит никаких причин отступить от этой практики. [...]

8.3 Государство-участник вновь заявляет, что автор сообщения все еще не попытался использовать доступные средства правовой защиты в связи с его утверждениями о применении к нему грубого обращения. Комитет не может согласиться с оценкой государства-участника. Во-первых, дела, на которые ссылается государство-участник, касаются злоупотреблений, [...] отличных от тех, которые являются предметом жалобы автора. Во-вторых, эффективность средств правовой защиты от грубого обращения не может быть отделена от репутации автора (которая не оспаривается и даже подтверждается государством-участником) как политического активиста оппозиции. В-третьих, Комитет отмечает, что после своего возвращения автор продолжал страдать от конкретных форм притеснений в связи с его политической деятельностью. Наконец, бесспорно, что дело, которое само государство-участник считает связанным с положением автора, рассматривается в Верховном суде Камеруна более 12 лет. В этих обстоятельствах Комитет сомневается в адекватности правовой практики и судебных решений, на которые ссылается государство-участник, применительно к конкретному делу автора и приходит к выводу о том, что нет причин пересматривать решение о приемлемости, в том, что касается жалобы, представленной автором в соответствии со статьей 7.

8.4 Соображения, содержащиеся выше в пункте 8.3, также *mutatis mutandis* применимы к средствам правовой защиты в связи с жалобами автора на основании статей 9, 14 и 19. [...]

8.5 В целом, оценивая новые разъяснения государства-участника в отношении доступности судебных средств правовой защиты в связи с жалобами автора, Комитет не видит причин пересматривать свое решение о приемлемости от 8 июля 1992 года.

9.1 Автор утверждает, что условия его содержания под стражей в 1988 и 1990 годах представляют собой нарушение статьи 7, в частности из-за антисанитарного состояния места содержания под стражей, переполненности камеры в полицейском участке первого округа Яунде, лишения пищи и одежды, угроз убийством, а также содержания без связи с внешним миром в лагере смешанной мобильной бригады в Дуала. Государство-участник отвечает, что бремя доказательства этих утверждений ложится на автора, и что условия его содержания под стражей являются результатом слабого развития Камеруна.

9.2 Комитет не согласен с точкой зрения государства-участника. [...] [Б]ремя доказательства не может ложиться исключительно на автора какого-либо сообщения, в особенности с учетом того, что автор и государство-участник не всегда имеют равный доступ к доказательствам и что зачастую только государство-участник имеет доступ к соответствующей информации. Г-н Муконг представил подробную информацию, касающуюся обращения, которому он был подвергнут. В этих условиях государству-участнику надлежит подробно опровергнуть эти утверждения, а не перекладывать бремя доказательства на автора сообщения.

9.3 В отношении условий содержания под стражей в целом Комитет отмечает, что определенные минимальные нормы, касающиеся содержания под стражей, должны соблюдаться независимо от уровня развития того или иного государства-участника. Правила 10, 12, 17, 19 и 20 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными [...] предусматривают следующие нормы: минимальную площадь и кубатуру помещений для каждого заключенного, надлежащее санитарное оборудование, одежду, не имеющую ни оскорбительного, ни унижающего характера, наличие отдельной кровати и пищи, достаточно питательной для поддержания здоровья и сил заключенного. Следует отметить, что речь в данном случае идет о минимальных правилах, которые, по мнению Комитета, должны соблюдаться всегда, даже если экономические и бюджетные факторы затрудняют выполнение этих обязательств. Из материалов дела следует, что эти требования не удовлетворялись в период содержания автора под стражей летом 1988 года и в феврале-марте 1990 года.

9.4 Далее Комитет отмечает, что, помимо общих условий содержания под стражей, автор подвергся особо жесткому и унижающему достоинство обращению. Так, например, он содержался без связи с внешним миром, ему угрожали пыткой и убийством, а также запугивали, лишали пищи, запирали в камере на несколько дней, лишая его прогулок. В этой связи Комитет ссылается на свое замечание общего порядка 20 (44), в котором государствам-участникам рекомендуется предусматривать положения, запрещающие содержание под стражей без связи с внешним миром, и отмечает, что полная изоляция содержа-

щегося под стражей или подвергающегося тюремному заключению лица может отождествляться с действиями, запрещаемыми статьей 7. В свете вышеизложенного Комитет полагает, что г-н Муконг подвергался жестокому, бесчеловечному и унижающему достоинство обращению в нарушение статьи 7 Пакта.

9.5 Автор заявляет о нарушении статьи 14, хотя в первом случае (1988-1989 годы) предъявленные ему обвинения были сняты, а во втором случае (1990 год) он был оправдан. В представлении государства-участника подразумевается, что в свете указанных фактов оно считает спорной жалобу на основании статьи 14. Комитет отмечает, что в первом случае прекращение преследования в отношении автора 4 мая 1989 года было санкционировано заместителем министра обороны, т.е. государственным должностным лицом. Во втором случае автор был полностью оправдан. Однако, несмотря на то, что в первом случае очевидным является вмешательство должностного лица в процесс судопроизводства, нельзя говорить, что права автора в соответствии со статьей 14 не были соблюдены. Аналогичные соображения применимы и во втором случае. Автор также заявил о нарушении пунктов 3а и б статьи 14, а государство-участник оспорило это утверждение. Комитет внимательно рассмотрел материалы, представленные ему сторонами, и пришел к выводу о том, что в этом случае право автора на справедливое судебное разбирательство не было нарушено.

9.6 Автор заявил о нарушении его права на свободное выражение своего мнения и права беспрепятственно придерживаться своих мнений, поскольку он подвергался преследованиям за выступления в пользу многопартийной демократии и выражение мнений, враждебных правительству государства-участника. Государство-участник ответило, что ограничение свободы выражения своего мнения применительно к автору сообщения было оправданным по смыслу пункта 3 статьи 19.

9.7 Согласно статье 19 любое лицо имеет право на свободное выражение своего мнения. Любое ограничение свободы выражения своего мнения в соответствии с пунктом 3 статьи 19 должно в совокупности удовлетворять следующим условиям: оно должно быть установлено законом, оно должно служить одной из целей, перечисленных в подпунктах а и б пункта 3, и быть необходимым для достижения законной цели. Государство-участник косвенно оправдало свои действия мотивами национальной безопасности и/или общественного порядка, заявив, что право автора на свободное выражение своего мнения осуществлялось без учета политической ситуации в стране и ее борьбы за единство. Хотя государство-участник указало, что ограничение права автора на свободное выражение своего мнения обеспечено законом, необходимо установить, являлись ли необходимыми меры, принятые в отношении автора, для сохранения национальной безопасности и/или общественного порядка. Комитет полагает, что отсутствовала необходимость в защите якобы хрупкого национального единства посредством применения к автору таких мер, как арест, продолжительное содержание под стражей и обращение в нарушение статьи 7. Комитет также считает, что законную цель защиты и даже укрепления национального

единства в сложной политической обстановке нельзя достичь, пытаясь заставить замолчать сторонника многопартийной демократии, демократических ценностей и прав человека; в этой связи не возникает вопроса о том, какие меры могут соответствовать критерию “необходимости” в подобных ситуациях. Учитывая конкретные обстоятельства дела автора, Комитет приходит к выводу о наличии нарушения статьи 19 Пакта.

9.8 Комитет отмечает, что государство-участник отклонило жалобу автора на основании статьи 9, указав, что он был арестован и содержался под стражей во исполнение уголовно-процессуальных норм и что содержание его в полицейском участке и предварительное расследование, проводившееся следственным судьей, совместимы со статьей 9. Однако остается определить, могут ли другие факторы превратить законный арест и законное содержание под стражей в “произвольные” по смыслу статьи 9. История разработки пункта 1 статьи 9 подтверждает, что понятие “произвольность” неравнозначно понятию “противозаконность”, а должно толковаться более широко и включать элементы нецелесообразности, несправедливости, непредсказуемости и противозаконности. Как отметил далее Комитет, это означает, что содержание под стражей в результате законного ареста должно быть не только законным, но также и разумным при всех обстоятельствах [*Гуго ван Альфен против Нидерландов* (сообщение № 305/1988), соображения приняты 23 июля 1990 года]. Содержание под стражей должно также быть необходимым при всех обстоятельствах, например с целью предотвратить побег, уничтожение доказательств или повторение преступления. В настоящем деле государство-участник не продемонстрировало наличия какого-либо из этих факторов. Оно попросту утверждало, что арест и содержание под стражей автора сообщения были полностью оправданными со ссылкой на пункт 3 статьи 19, т.е. на допустимые ограничения права автора на свободное выражение своего мнения. Согласно аргументам, изложенным выше в пункте 9.6, Комитет полагает, что содержание автора под стражей в 1988-1989 годах и в 1990 году не было ни разумным, ни необходимым в конкретных обстоятельствах дела и являлось, таким образом, нарушением по смыслу пункта 1 статьи 9 Пакта.

9.9 Автор направил жалобы на основании пунктов 2-4 статьи 9 в связи с тем, что он не был в срочном порядке информирован о причинах своего ареста и предъявляемых ему обвинениях, что он не был в срочном порядке доставлен к судье или другому должностному лицу, которому принадлежит по закону право осуществлять судебную власть, и что ему было отказано в праве оспорить законность его задержания. Государство-участник отвергло эти обвинения [...]. Комитет отмечает, что представленные ему материалы и доказательства являются недостаточными для вынесения заключения в отношении этих жалоб.

9.10 Наконец, в отношении жалобы на основании пункта 4 статьи 12 Комитет отмечает, что автор не принуждался властями государства-участника покинуть страну летом 1990 года, а выехал из нее добровольно, и что не существует законов или норм или государственной практики, препятствующих ему вернуться в Камерун. Как признает сам автор, он мог вернуться в

свою страну в апреле 1992 года; даже если это возвращение стало бы возможным или было бы облегчено посредством дипломатического вмешательства, это не меняет вывода Комитета относительно отсутствия нарушений пункта 4 статьи 12 в данном конкретном случае.

10. Комитет по правам человека, действуя на основании пункта 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что представленные на его рассмотрение факты свидетельствуют о нарушениях Камеруном статьи 7, пункта 1, статьи 9 и статьи 19 Пакта.

11. В соответствии с пунктом 3а статьи 2 Пакта государство-участник обязано предоставить г-ну Альберту В. Муконгу эффективное средство правовой защиты. Комитет настоятельно просит государство-участника предоставить г-ну Муконгу соответствующую компенсацию за обращение, которому он подвергся, расследовать его утверждения о применении к нему грубого обращения в период его содержания под стражей, соблюдать его права в соответствии со статьей 19 Пакта и обеспечить, чтобы аналогичные нарушения не повторялись в будущем.

[...]

32. СООБЩЕНИЕ № 550/1993, РОБЕРТ ФОРИССОН ПРОТИВ ФРАНЦИИ

Доклад Комитета по правам человека, том II, GAOR, пятьдесят вторая сессия, Дополнение № 40 (A/52/40), сс. 84-104. Примечания и сноски опущены.

Дата сообщения: 2 января 1993 года

Соображения приняты: 8 ноября 1996 года (пятьдесят восьмая сессия)

Соображения в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Автором сообщения [...] является Роберт Фориссон, родившийся в Соединенном Королевстве в 1929 году и имеющий двойное французско-британское гражданство, в настоящее время он проживает в Виши, Франция. Он утверждает, что является жертвой нарушения его прав человека Францией. Автор не ссылается на конкретные статьи Пакта.

Факты, представленные автором

2.1 Автор, профессор, преподавал литературу в Университете Сорбонны в Париже до 1973 года и Лионском университете до 1991 года, когда он был уволен с кафедры. Зная об историческом значении Холокоста, он собирал свидетельства методов убийства, в частности отравления газом. Он не оспаривает применение газа в целях дезинфекции, но сомневается в существовании газовых камер для целей уничтожения людей [...] в Аушвице¹ и других нацистских концентрационных лагерях.

¹ Освенцим – прим. пер.

2.2 Автор признает, что его мнение опровергалось в многочисленных академических журналах и подвергалось осмеянию в периодической печати, особенно во Франции; тем не менее он продолжает ставить под сомнение существование газовых камер, предназначенных для уничтожения людей. Он заявляет, что в результате публичного обсуждения его точки зрения и полемики, сопровождавшей это обсуждение, с 1978 года ему стали угрожать смертью и восемь раз избивали. В 1989 году, по его словам, ему нанесли тяжкие телесные повреждения, в частности сломали челюсть, и он был госпитализирован. Он утверждает, что, хотя внимание компетентных судебных органов было обращено на эти нападения, по ним не было проведено серьезного расследования и никто из ответственных за них не был арестован или предан суду. [...]

2.3 13 июля 1990 года французские законодатели приняли так называемый “закон Гейссо”, содержащий поправки к закону о свободе печати 1881 года: закон был дополнен статьей 24 bis, которая объявляет преступлением отрицание существования такой категории преступлений, как преступления против человечества, определенной в Лондонской хартии от 8 августа 1945 года; последняя послужила основанием для осуждения Международным военным трибуналом в Нюрнберге нацистских руководителей в 1945-1946 годах. Автор считает, что, по сути, закон Гейссо возводит Нюрнбергский процесс и утвержденный на нем приговор в ранг догмы, устанавливая уголовную ответственность для тех, кто осмеливается бросить вызов его результатам и исходным посылкам. Г-н Фориссон утверждает, что у него есть достаточные основания полагать, что документы Нюрнбергского процесса могут быть поставлены под сомнение и что доказательства, использованные против нацистских руководителей, вызывают сомнения так же, как, по его мнению, и свидетельства о числе жертв, уничтоженных в Аушвице.

[...]

2.5 Вскоре после принятия закона Гейссо г-н Фориссон дал интервью французскому ежемесячному журналу *Le Choc du Mois* (“Ле шок дю муа”), который опубликовал это интервью в выпуске № 32 за сентябрь 1990 года. Автор выразил озабоченность в связи с тем, что новый закон угрожает свободе исследований и слова, кроме того, автор вновь выразил свою личную убежденность в том, что в нацистских концентрационных лагерях отсутствовали газовые камеры для уничтожения евреев. После опубликования интервью однанадцать ассоциаций французских бойцов Сопротивления и лиц, депортированных в германские концентрационные лагеря, возбудили уголовный иск против г-на Фориссона и Патриса Буазо, редактора журнала *Le Choc du Mois*. 18 апреля 1991 года 17-я Палата по уголовным делам суда высокой инстанции Парижа признала г-на Фориссона и Буазо виновными в совершении преступления “оспаривания преступлений против человечества” и присудила к уплате штрафа и судебных издержек в сумме 326 832 французских франков.

[...]

2.7 Автор и г-н Буазо подали апелляцию в Апелляционный суд Парижа (11-я Палата). 9 декабря 1992 года 11-я Палата [...] поддержала приговор и оштрафовала г-д Фориссона и Буазо на общую сумму в 374 045,50 франка. [...]

[...]

2.9 Г-н Фориссон признает, что он мог бы обратиться в Кассационный суд, однако, по его словам, у него нет 20 тыс. франков для оплаты услуг адвокатов, которые понадобятся для подачи апелляции; к тому же в любом случае с учетом атмосферы, в которой проходило разбирательство в суде первой инстанции и подача апелляции, дальнейшее обращение в Кассационный суд было бы бессмысленным. Автор полагает, что, даже если бы Кассационный суд отменил приговоры судов более низкой инстанции, он, вне всякого сомнения, приказал бы провести новый процесс, соответственно, с теми же результатами, что и первый процесс 1991 года.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что закон Гейссо ограничивает его право на свободное выражение мнения и свободу научных исследований в целом, и считает, что закон направлен лично против него (“*lex Faurissonia*”). Он приносит жалобу на то, что этот законодательный акт представляет собой введение неприемлемой цензуры, препятствующей научным исследованиям и наказывающей за них.

3.2 Что касается судебной процедуры, то г-н Фориссон ставит под сомнение, в частности, беспристрастность Апелляционного суда (11-я Палата). Так, он утверждает, что председатель Палаты отворачивалась от него все время, пока он давал показания, и не позволила ему зачитать ни одного документа в суде, даже выдержки из приговора Нюрнбергского трибунала, которые, по его утверждению, были важны для его защиты.

3.3 Автор заявляет, что из-за нескольких уголовных исков, поданных различными организациями, он и г-н Буазо подвергаются судебному преследованию за одно и то же интервью, данное 10 сентября 1990 года, в двух других судебных инстанциях, заседания которых, на момент подачи данного сообщения, запланированы на июнь 1993 года. Он считает это явным нарушением принципа *ne bis in idem*.

3.4 Наконец, автор заявляет, что он по-прежнему подвергается настолько серьезным угрозам и физическому насилию, что это представляет угрозу его жизни. Так, он утверждает, что на него было совершено нападение французскими гражданами 22 мая 1993 года в Стокгольме и вновь 30 мая 1993 года в Париже.

Представление государства-участника по вопросу о приемлемости и соответствующие замечания автора

4.1 В своем представлении, сделанном согласно правилу 91, государство-участник [...] разъяснило правовое основание закона от 13 июля 1990 года. [...]

[О]но отмечает, что данный закон заполняет пробел в уголовных санкциях, криминализируя действия тех, кто ставит под сомнение геноцид евреев и существование газовых камер. [...]

4.2 Государство-участник далее отмечает, что, для того чтобы выражение мнения не стало уголовным преступлением [...], законодательная власть сочла необходимым четко определить состав преступления, криминализируя [...] только отрицание [...] одного или нескольких преступлений против человечества по смыслу статьи 6 Устава Международного военного трибунала. Роль судьи, занимающегося расследованием обстоятельств дела, подпадающего под действие нового закона, заключается не в том, чтобы вмешиваться в теоретические или исторические дебаты, а в том, чтобы удостовериться, что публикация отрицает факты совершения преступлений против человечества, признанные международными судебными инстанциями. [...]

4.3 Государство-участник полагает, что сообщение неприемлемо на том основании, что внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны в том, что касается нарушения свободы слова г-на Фориссона, так как он не подал апелляцию по своему делу в Кассационный суд. Государство-участник напоминает о компетенции Комитета, согласно которой просто сомнения в эффективности доступных средств защиты не освобождают автора от необходимости ими воспользоваться. Более того, оно утверждает, что для сомнений автора в том, что обращение в Кассационный суд могло бы обеспечить восстановление его прав, нет оснований.

[...]

4.5 По поводу расходов в связи с апелляцией в Кассационном суде государство-участник отмечает, что, согласно статьям 584 и 585 Уголовно-процессуального кодекса, осужденный не обязательно должен быть представлен адвокатом в Кассационном суде. Более того, оно отмечает, что в ответ на достаточно мотивированную просьбу автору была бы предоставлена юридическая помощь [...]. Автор не обратился с такой просьбой [...].

4.6 Относительно нарушения пункта 7 статьи 14 государство-участник подчеркивает, что принцип *ne bis in idem* закреплен во французском законодательстве, и это неоднократно подтверждалось решениями Кассационного суда [...].

4.7 Следовательно, если бы против автора были вновь поданы иски и возбуждены уголовные дела в судах по деяниям, по которым Апелляционный суд Парижа уже вынес решение 9 декабря 1992 года, тогда [...] прокурор и суд должны были бы применить *ex officio* принцип *non bis in idem* и таким образом прекратить новое судебное разбирательство.

4.8 Государство-участник опровергает заявление автора о том, что его дело было предметом других уголовных процессов по тем же обстоятельствам, как явно вводящее в заблуждение в том смысле, что приговора от 9 декабря 1992 года было уже достаточно для того, чтобы предотвратить какое-либо дальнейшее судебное расследование. Во всяком случае, государ-

ство-участник утверждает, что г-н Фориссон не представил каких-либо доказательств такого преследования.

5.1 Комментируя представление государства-участника, автор утверждает, что главный редактор журнала *Le Choc*, который в сентябре 1990 года опубликовал спорное интервью, действительно обращался в Кассационный суд; 20 декабря 1994 года Палата по уголовным Делах Кассационного суда отклонила его апелляцию. Автор был информирован об этом решении заказным письмом от 21 февраля 1995 года канцелярией Апелляционного суда Парижа.

[...]

5.3 Автор отмечает, что он ссылается не столько на нарушение его права на свободу слова, которое допускает некоторые ограничения, сколько на свое право свободного выражения мнения и сомнений, а также свободы теоретических изысканий. Последняя, как он утверждает, уже по определению не может подвергаться ограничениям. Однако [...] закон от 13 июля 1990 года на самом деле жестко ограничивает свободу выражать сомнения и проводить исторические исследования [...].

5.4 Автор отклоняет как абсурдное и нелогичное правовое обоснование упомянутого закона, приведенное государством-участником, так как оно запрещает даже историкам доказывать, не то что отрицать факт “*Shoah*”, или массового уничтожения евреев в газовых камерах. Он утверждает, что в силу формулировок и практического применения данный закон раз и навсегда закрепляет ортодоксально-еврейскую версию истории Второй мировой войны.

5.5 Что касается нарушения пункта 7 статьи 14, то автор вновь заявляет, что одно и то же интервью, опубликованное в одном и том же издании, вызвало три (различных) судебных процесса в 17-й Палате по уголовным делам суда высокой инстанции Парижа. [...] 10 апреля 1992 года суд принял решение отложить рассмотрение дела, так как автор принимал участие в двух других процессах, до принятия решения по апелляции автора на постановление по первому делу. Процесс не был возобновлен после вынесения решения Апелляционным судом, но возобновился после того, как 20 декабря 1994 года в Кассационном суде была отклонена апелляционная жалоба журнала *Le Choc du Mois*. После этого два последних процесса возобновились [...].

Решение Комитета о приемлемости

6.1 Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости сообщения на своей пятьдесят четвертой сессии. Он отметил, что к моменту представления сообщения от 2 января 1993 года автор не подал апелляции на решение Апелляционного суда Парижа (11-я Палата) от 9 декабря 1992 года в Кассационный суд. Автор утверждает, что не имеет средств для приглашения для этой цели адвоката и что в любом случае такая апелляция бесполезна. В отношении первого аргумента Комитет заметил, что у автора имелась возможность получить юридическую помощь, которую он не реализовал. В отношении второго аргумента Комитет сослался на

свод правил, согласно которым просто наличие сомнений в эффективности процедуры не освобождает автора от необходимости ею воспользоваться. Следовательно, в момент подачи сообщение не отвечало требованиям исчерпания внутренних средств защиты, о которых говорится в подпункте b) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола. Тем временем другой обвиняемый по делу автора, главный редактор журнала *Le Choc*, опубликовавшего вызвавшее споры интервью в сентябре 1990 года, обратился с апелляцией в Кассационный суд, который 20 декабря 1994 года отклонил апелляцию. Решение Палаты по уголовным делам Кассационного суда свидетельствует о том, что Суд пришел к выводу о правильности применения закона к обстоятельствам дела, что закон конституционен и его применение соответствовало обязательствам Французской Республики по международным договорам о правах человека, особенно положениям статьи 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, которые защищают право на свободу мнения и слова в выражениях, аналогичных тем, что используются в тех же целях в статье 19 Международного пакта о гражданских и политических правах. Учитывая эти обстоятельства, Комитет считал неразумным требовать от автора обращения в Кассационный суд по тому же вопросу. Данное средство защиты уже нельзя рассматривать как эффективное по смыслу подпункта b) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола, то есть как средство, которое обеспечило бы автору необходимые шансы на справедливый пересмотр дела в суде. Таким образом, более нельзя считать, что сообщению присущ такой недостаток, как несоответствие основному критерию приемлемости – исчерпанию средств внутренней защиты в той части, в какой оно ставило вопросы, предусмотренные статьей 19 Пакта.

6.2 Комитет пришел к заключению, что с точки зрения приемлемости сообщения автор достаточно обосновал свою жалобу о нарушениях его права на свободу слова, мнения и теоретических исследований. Следовательно, его утверждения должны рассматриваться по существу.

6.3 С другой стороны, Комитет считал, что с точки зрения критериев приемлемости автор не обосновал свое утверждение о нарушении его права не быть судимым дважды за одно и то же преступление. Обстоятельства дела не свидетельствуют о том, что он воспользовался этим правом в связи с теми процессами, которые возбуждены против него. Комитет принял к сведению представление государства-участника, заявившего, что прокурор и суд были бы обязаны применить принцип *non bis in idem*, если бы на него была сделана ссылка, и отменить новые процессы, если бы они касались тех же самых обстоятельств, по которым вынес решение Апелляционный суд Парижа 9 декабря 1992 года. Автор, следовательно, не имел оснований для жалобы по статье 2 Факультативного протокола.

6.4 Аналогичным образом Комитет установил, что с точки зрения приемлемости автор не обосновал свои утверждения относительно пристрастности судей 11-й Палаты Апелляционного суда Парижа и нежелания судебных органов провести расследование совершенных, по его словам, на него

нападений. В этом отношении автор также не может подавать жалобу по статье 2 Факультативного протокола.

6.5 19 июля 1995 года Комитет по правам человека объявил настоящее сообщение приемлемым в той части, в какой оно поднимало вопросы в связи со статьей 19 Пакта.

Замечания государства-участника по существу дела и соответствующие комментарии автора

7.1 В своем представлении по пункту 2 статьи 4 Факультативного протокола государство-участник заявляет, что утверждения автора должны быть отклонены как несовместимые *ratione materiae* с положениями Пакта и, кроме того, как явно необоснованные.

7.2 Государство-участник [...] отмечает [...] что антирасистское законодательство, принятое во Франции в 80-е годы, считалось недостаточным для преследования и наказания, в частности за тривиализацию преступлений, совершенных нацистами во время Второй мировой войны. Закон, принятый 13 июля 1990 года, снимал озабоченность французских законодательных органов развитием на протяжении ряда лет “ревизионизма”, главным образом со стороны отдельных лиц, которые оправдывали свои работы (субъективно воспринимаемым) статусом историков и ставили под сомнение факт уничтожения евреев. По мнению правительства, подобные ревизионистские труды представляют собой “утонченную форму современного антисемитизма” [...], за которую по действовавшему в то время уголовному законодательству Франции до 13 июля 1990 года невозможно было преследовать в судебном порядке.

7.3 Таким образом законодательные органы стремились заполнить правовой вакуум и в то же время пытались определить новые, направленные против ревизионизма, положения как можно точнее. Бывший министр юстиции г-н Арпайланж очень точно сформулировал позицию тогдашнего правительства, когда он сказал, что нельзя было не посвятить себя полностью борьбе с расизмом, добавив, что расизм является не мнением, а агрессией и что каждый раз, когда расизму дозволяется публично выразить себя, общественный порядок нарушается немедленно и серьезным образом. Именно потому, что г-н Фориссон выражал свой антисемитизм путем опубликования ревизионистских тезисов в журналах и таким образом очернил память жертв нацизма, он и был осужден по закону от 13 июля 1990 года.

7.4 Государство-участник напоминает, что пункт 1 статьи 5 Пакта позволяет государству-участнику лишить какую-либо группу или лицо права заниматься какой бы то ни было деятельностью, направленной на уничтожение любых прав или свобод, признанных в Пакте; аналогичная формулировка содержится в статье 17 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Государство-участник ссылается на дело, рассмотренное Европейской комиссией по правам человека [Дела №№ 8348/78 и 8406/78, *Глимервен и Хагенбек против Нидерландов*, объявленные неприемлемыми

11 октября 1979 года], которое, по его мнению, во многом аналогично настоящему делу и мотивы решения которого могли бы использоваться при вынесении постановления по делу г-на Форрисона. [...]

[...]

7.6 По мнению государства-участника, суждение автора о *ratio legis* закона от 13 июля 1990 года, изложенное в его сообщении, представленном в Комитет 14 июня 1995 года, а именно о том, что данный закон закрепляет ортодоксально-еврейскую версию истории Второй мировой войны, раскрывает суть маневра, предпринятого автором: под прикрытием фразы о проведении исторических исследований он стремится обвинить еврейский народ в фальсификации и искажении фактов, имевших место во время Второй мировой войны, и создании мифа об уничтожении евреев. Еще одной иллюстрацией методов автора по разжиганию антисемитской пропаганды является то, что автором закона от 13 июля 1990 года он назвал бывшего главного раввина, несмотря на то, что закон был инициирован парламентом.

7.7 Исходя из вышесказанного, государство-участник приходит к выводу, что в “деятельности” автора, по смыслу статьи 5 Пакта, явно содержатся элементы расовой дискриминации, которые запрещены Пактом и другими международными документами о правах человека. Государство-участник ссылается на статью 26 и, в частности, на пункт 2 статьи 20 Пакта, где говорится, что “всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, должно быть запрещено законом”. Далее государство-участник напоминает, что оно является участником Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации; согласно статье 4 указанной Конвенции государство-участники “объявляют караемым по закону преступлением всякое распространение идей, основанных на расовом превосходстве или ненависти” [пункт а) статьи 4]. В ходе рассмотрения периодического доклада Франции в 1994 году Комитет по ликвидации расовой дискриминации особо приветствовал принятие закона от 13 июля 1990 года. В свете вышесказанного государство-участник заключает, что оно лишь выполняло свои международные обязательства, объявив (публичное) отрицание преступлений против человечества уголовно наказуемым деянием.

7.8 Государство-участник далее напоминает о решении Комитета по правам человека по сообщению № 104/1981 [*Д.Р.Т. и Партия У.Г. против Канады* (сообщение № 104/1981), объявленное неприемлемым 6 апреля 1983 года, пункт 8 (b)], в котором Комитет установил, что “мнения, которые г-н Т. стремился распространять по системе телефонной связи, безусловно составляют пропаганду расовой или религиозной ненависти, которую Канада обязана запретить в соответствии со статьей 20 (2) Пакта”, и что утверждения автора, основывающиеся на статье 19, были недопустимыми, так как они несовместимы с положениями Пакта. Государство-участник считает, что эта аргументация должна быть применима к делу г-на Форрисона.

7.9 В дополнение к сказанному государство-участник заявляет, что жалоба автора, принесённая по статье 19, явно необоснованна по существу. Оно отмечает, что право на свободу слова, закрепленное в статье 19 Пакта, имеет определенные ограничения (ср. пункт 3 статьи 19) и что французское законодательство, регулирующее использование этого права, полностью соответствует принципам, изложенным в статье 19 [...] [О]граничения на свободу слова г-на Фориссона обусловлены положениями закона от 13 июля 1990 года.

7.10 Государство-участник подчеркивает, что текст закона от 13 июля 1990 года свидетельствует о том, что состав преступления, за которое был осужден автор, четко определен на основании объективных критериев, с тем чтобы избежать создания категории преступлений, связанных просто с высказыванием мнения [...]. Данное преступление считается совершенным, если имеет место: а) отрицание преступлений против человечества, признанных таковыми согласно международно принятому определению, и б) осуждение таких преступлений против человечества в судебных инстанциях. Иными словами, закон от 13 июля 1990 года предусматривает наказание не за выражение мнения, а за отрицание общепризнанной исторической реальности. По мнению государства-участника, это положение необходимо было принять не только для защиты прав и репутации других лиц, но и для защиты общественного порядка и нравственности.

[...]

8.3 Г-н Фориссон утверждает, что государство-участник не представило ни малейшего доказательства, что его работы и тезисы являются “утонченной формой современного антисемитизма” [...] или подстрекают общественность к антисемитским действиям [...]. Он обвиняет государство-участника в высокомери, так как оно отвергает его исследования и работы как псевдонаучные [...], и добавляет, что он не отрицает, а только ставит под сомнение то, что государство-участник называет общепризнанной реальностью [...]. Далее автор отмечает, что за последние два десятилетия ревизионистская школа смогла отвергнуть как сомнительные или неверные столь многие элементы “общепризнанной реальности”, что данный спорный закон становится еще более необоснованным.

8.4 Автор отрицает существование какого-либо действующего законодательства, которое могло бы помешать ему ставить под сомнение приговор и решение Международного военного трибунала в Нюрнберге. Он оспаривает и называет чистой тавтологией и *petitio principis* утверждение государства-участника, что основой такого запрета является закон от 13 июля 1990 года. Далее он отмечает, что даже французские суды признали, что процедуры и решения Международного трибунала можно обоснованно критиковать.

8.5 Автор замечает, что в связи с недавним ревизионистским делом (дело Роже Гароди) ограниченное большинство мыслящих людей Франции, а также представители Французской лиги по правам человека открыто выступили против сохранения в силе закона от 13 июля 1990 года.

8.6 Касаясь нарушения его права на свободу слова и свободу мнения, автор отмечает, что эти свободы остаются серьезно ограниченными: он лишен права на ответ в крупных средствах массовой информации, и судебные разбирательства по его делу имеют тенденцию превращаться в закрытые процессы [...]. Именно из-за применения закона от 13 июля 1990 года предоставление места на страницах газет автору или рассказ о характере аргументации в его защиту на судебных процессах стали преступлением. [...]

[...]

Рассмотрение дела по существу

9.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение в свете всей предоставленной ему сторонами информации, как этого требует пункт 1 статьи 5 Факультативного протокола.

9.2 Комитет принимает к сведению проходившие во Франции публичные дебаты, в том числе негативные замечания французских парламентариев по закону Гейссо, а также доводы, приведенные другими странами, в основном европейскими, которые поддерживают или выступают против принятия аналогичных законов.

9.3 Хотя Комитет не отрицает, что применение положений закона Гейссо, в соответствии с которым сомнения в выводах и приговоре Международного военного трибунала в Нюрнберге признаются уголовно наказуемыми, может привести, при обстоятельствах иных, чем фактические обстоятельства настоящего дела, к решениям или действиям, несовместимым с Пактом, Комитет не призван абстрактно критиковать законы, принятые в государствах-участниках. Согласно Факультативному протоколу задача Комитета – выяснить, выполняются ли условия, устанавливаемые в связи с введением ограничений на свободу слова, о которых говорится в представленных ему сообщениях.

9.4 Любое ограничение свободы слова должно в совокупности удовлетворять следующим условиям: оно должно быть установлено законом, оно должно быть направлено на достижение одной из целей, изложенных в подпунктах а) и б) пункта 3 статьи 19, и оно должно быть необходимым для достижения законной цели.

9.5 Ограничение свободы выражения своего мнения автором действительно предусмотрено законом, а именно законом от 13 июля 1990 года. Согласно своей постоянной компетенции Комитет устанавливает, отвечает ли сам ограничительный закон требованию соответствия положениям Пакта. В этом отношении Комитет, ознакомившись с приговором 17-й Палаты по уголовным делам суда высокой инстанции Парижа, заключает, что решение о вине автора основывается на двух его высказываниях: "... У меня есть весьма убедительные основания не верить в существование политики уничтожения евреев или в магические газовые камеры... Мне бы хотелось, чтобы 100 процентов французских граждан поняли, что миф о газовых камерах является

бесчестной выдумкой”. Следовательно, приговор суда не нарушил право автора иметь и высказывать мнение вообще, а суд осудил г-на Фориссона за нарушение прав и репутации других. По этим причинам Комитет считает, что закон Гейссо в том виде, в каком он был прочитан, истолкован и применен в деле автора французскими судами, соответствует положениям Пакта.

9.6 Для того чтобы оценить, было ли ограничение свободы автора выражать свое мнение, наложенное на него приговором по уголовному делу, применено для достижения целей, предусмотренных Пактом, Комитет начал с того, что как и в Замечании общего порядка 10, отметил: права, для защиты которых вводятся ограничения на свободу слова, установленные в пункте 3 статьи 19, могут относиться к интересам других лиц или интересам общества в целом. Поскольку замечания автора, прочитанные в их полном контексте, вызывают или усиливают антисемитские настроения, указанное ограничение способствовало тому, что еврейская община могла не опасаться атмосферы антисемитизма. Поэтому Комитет заключил, что ограничение свободы выражения мнения в отношении автора допустимо согласно подпункту а) пункта 3 статьи 19 Пакта.

9.7 Наконец, Комитету необходимо рассмотреть вопрос о том, была ли необходимость в ограничении свободы слова автора. Комитет принял к сведению довод государства-участника о том, что принятие закона Гейссо было направлено на борьбу с антисемитизмом. Он также принял к сведению заявление члена французского правительства, тогдашнего министра юстиции, который охарактеризовал отрицание существования Холокоста как основное средство распространения антисемитизма. В отсутствие материалов о каких-либо аргументах, ставящих под сомнение обоснованность позиции государства-участника относительно необходимости ограничения свободы слова, Комитет пришел к выводу, что ограничение свободы г-на Фориссона выражать свое мнение было необходимым по смыслу пункта 3 статьи 19 Пакта.

10. Действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, Комитет по правам человека придерживается того мнения, что установленные Комитетом факты по данному делу не свидетельствуют о нарушении Францией пункта 3 статьи 19 Пакта.

Примечание редактора: Было подано пять особых мнений, которые подписали семь членов Комитета (г-н Андо, г-жа Эватт, г-н Кретцмер, г-н Кляйн, г-жа Кирога, г-н Лаллах и г-н Бхагвати). Основное замечание состояло в том, что формулировки закона Гейссо носят очень общий характер, поэтому его применение может гипотетически привести к нарушению права на свободу выражения мнения в соответствии с Пактом. Однако в данном конкретном деле французские суды толковали и применяли этот закон без нарушения Пакта. Один член Комитета (г-н Лаллах) высказал мнение о том, что Комитету следовало основывать свое решение не на статье 19, а на пункте 2 статьи 20 Пакта. Г-н Бургенталь, как бывший узник концентрационных лагерей Аушвиц и Заксенхаузен, отказался от участия в рассмотрении данного дела.

33. СООБЩЕНИЯ №№ 359/1989 и 385/1989, ДЖОН БАЛЛАНТАЙН И ЭЛИЗАБЕТ ДЭВИДСОН, А ТАКЖЕ ГОРДОН МАКИНТАЙР ПРОТИВ КАНАДЫ

Доклад Комитета по правам человека, том II, GAOR, сорок восьмая сессия, Дополнение № 40 (A/48/40), сс. 91-109. Примечания и сноски опущены.

Даты сообщений: 10 апреля и 21 ноября 1989 года

Соображения приняты: 31 марта 1993 года (сорок седьмая сессия)

Соображения согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Авторами сообщений [...] являются Джон Баллантайн, Элизабет Дэвидсон и Гордон Макинтайр – граждане Канады, проживающие в провинции Квебек. Авторы, один из которых является художником, другой – дизайнером, третий – владельцем похоронного бюро, работают в Саттоне и Хантингдоне, Квебек. Их родным языком, как и многих из их клиентов, является английский. Они утверждают, что являются жертвами нарушений федеральным правительством Канады и правительством провинции Квебек статей 2, 19, 26 и 27 Международного пакта о гражданских и политических правах, поскольку им запрещается использовать английский язык в рекламных целях, например в торговых вывесках вне производственных помещений и в названии фирмы.

Представленные факты

2.1 Авторы первого сообщения (№ 359/1989), г-н Баллантайн и г-жа Дэвидсон, продают одежду и картины людям, говорящим главным образом на английском языке, и в этой связи они всегда использовали надписи на английском языке для привлечения покупателей.

2.2 Автор второго сообщения (№ 385/1989), г-н Макинтайр, сообщает, что в июле 1988 года он получил уведомление от уполномоченного комиссии по защите французского языка о том, что на основании проверки было установлено, что он в нарушение Хартии французского языка на своем похоронном бюро вывесил знак, на котором на английском языке было написано название фирмы “Kelly Funeral Home”. Ему было предложено сообщить уполномоченному в 15-дневный срок в письменном виде о принятых им мерах по исправлению данного положения и по предупреждению таких инцидентов в будущем. После этого автор снял этот знак с названием его фирмы.

2.3 Компания г-на Макинтайра была основана более 100 лет тому назад и в течение 25 лет, пока фирма действовала под его руководством, она не испытывала каких-либо языковых ограничений. В настоящее время он, по его словам, находится в менее благоприятном положении по сравнению с его франкоговорящими конкурентами, которым разрешается использовать свой родной язык без каких-либо ограничений. Из семи имеющихся в этом районе похоронных бюро его фирма является единственной, которой руководит англоговорящий канадец и которая обслуживает англоговорящую общину. Из проживающих в этом городе 15 600 человек около 5600 говорят на английс-

ком языке. Однако закон № 178 запрещает ему помещать на его торговом знаке информацию на английском языке о том, какие услуги он предоставляет. По словам автора сообщения, делам его фирмы был нанесен ущерб в связи с тем, что прохожие обращают меньше внимания на его вывеску, поскольку она ничего не говорит им о роде его занятий.

[...]

Жалоба

3.1 Авторы оспаривают правомочность разделов 1, б и 10 закона № 178, принятого правительством провинции Квебек 22 декабря 1988 года с целью внесения изменения в закон № 101, известный как Хартия французского языка [...]. [...] *Ratio legis* закона № 178 заключался в том, чтобы лишить юридической силы два решения Верховного суда Канады от 15 декабря 1988 года об объявлении некоторых разделов Хартии неконституционными. В официальном пояснении, предшествующем тексту Хартии, указывается, что лишь французский язык может использоваться в плакатах, выставляемых в общественных местах, и уличной коммерческой рекламе. В пояснении говорится, что это правило должно также применяться внутри общественных транспортных средств и некоторых учреждений, включая торговые центры. Авторы утверждают, что применение закона № 178 ущемляет их личные интересы.

3.2 Кроме того, авторы утверждают, что оговорка об изъятиях, содержащаяся в разделе 10 закона № 178, лишает юридической силы гарантии, содержащиеся в Канадской хартии прав и свобод человека (Канадской хартии) и Хартии прав и свобод человека провинции Квебек (Квебекской хартии). Они указывают на то, что раздел 33 Канадской хартии и соответствующий раздел 52 Квебекской хартии разрешают приостанавливать защиту от нарушений прав человека.

3.3 Авторы утверждают, что в случае применения этих положений они нарушают обязательства Канады, вытекающие из Пакта, в частности из его статьи 2. Возможное несоблюдение в законодательных актах положений Канадской или Квебекской хартий прав и свобод человека лишает эффективных средств правовой защиты тех граждан, чьи права нарушены или нарушаются в силу изъятия такого рода.

Законодательные положения

4.1 В соответствующие первоначальные положения Хартии французского языка (закон № 101, S.Q. 1977, C-5) неоднократно вносились изменения. Однако по сути они оставались в основном теми же. Раздел 58 в редакции от 1977 года гласит следующее:

“За исключением случаев, которые могут быть предусмотрены в настоящем законе или в правилах Управления по вопросам французского язы-

ка, текст знаков, плакатов и коммерческой рекламы должен составляться только на официальном языке”.

[...]

4.3 Первоначальные законодательные положения о языке были признаны как не имеющие силы в постановлении Верховного суда по делу “*Шосстор Браунз и другие против Генерального прокурора Квебека*” (1989) 90 N.R. 84. В соответствии с ним раздел 58 Хартии был изменен на основании раздела 1 закона № 178. Хотя и были внесены некоторые изменения в том, что касается знаков и плакатов, размещаемых внутри производственных помещений, обязательное использование французского языка на знаках и плакатах за их пределами осталось в силе.

4.4 Раздел 58 Хартии, измененный в 1989 году на основании раздела 1 закона № 178, гласит:

“58. Текст знаков и плакатов, выставляемых в общественных местах, и коммерческой рекламы вне помещений или предназначенной для публики вне помещений составляется только на французском языке. Аналогично текст знаков и плакатов, выставляемых в общественных местах, и коммерческой рекламы составляется только на французском языке

1. внутри торговых центров и в местах доступа к ним, за исключением внутренних помещений расположенных там учреждений;

2. внутри любого общественного транспортного средства и в местах доступа к нему;

3. внутри помещений предприятий, предусмотренных в разделе 136;

4. внутри помещений предприятий, насчитывающих менее 50, но более 5 сотрудников, в тех случаях, когда такие предприятия совместно пользуются с двумя или несколькими предприятиями одним фирменным знаком, фирменным наименованием или торговой маркой, по которой они известны публике.

Однако правительство может на основании постановления предписать условия, в соответствии с которыми внутри помещений предприятий, предусмотренных в подпунктах 3 и 4 пункта 2 текст знаков и плакатов, выставляемых в общественных местах, и рекламы может составляться как на французском, так и на каком-либо другом языке при условии соблюдения положений, предусмотренных в пункте 2 раздела 58.1.

Правительство может в таком постановлении установить категории предприятий, определить условия для каждой категории и ужесточить условия, предусмотренные в пункте 2 раздела 58.1”.

4.5 Раздел 68 Хартии, измененный на основании раздела 6 закона № 178, гласит:

“68. Если в настоящем разделе не предусмотрено иное, в Квебеке может использоваться вариант названия фирмы только на французском языке. Название фирмы может сопровождаться вариантом названия на другом языке для использования за пределами Квебека. Этот вариант может использо-

ваться совместно с вариантом названия фирмы на французском языке в надписях, упомянутых в разделе 51, если данная продукция имеет хождение как в Квебеке, так и за его пределами.

В печатных документах и в документах, предусмотренных в разделе 57, если они изданы на французском и на каком-либо ином языке, вариант французского названия фирмы на другом языке может использоваться вместе с названием фирмы на французском языке.

Если тексты или документы изданы не на французском, а на каком-либо другом языке, то для названия фирмы может использоваться другой язык без французского варианта.

На знаках и плакатах, выставляемых в общественных местах, и в коммерческой рекламе

1. название фирмы может сопровождаться вариантом на другом языке, если они выполнены на французском и ином языке;

2. название фирмы может быть дано только на другом языке, если они выполнены не на французском, а лишь на другом языке”.

4.6 В разделе 10 закона № 178 содержится так называемая оговорка об изъятиях, в которой говорится, что:

“Положения раздела 58 и первого пункта раздела 68 [...] применяются независимо от положений пункта b раздела 2 и раздела 15 Конституционного закона 1982 года ... и действуют, несмотря на статьи 3 и 10 Хартии прав и свобод человека”.

4.7 В раздел 33 Канадской хартии прав и свобод человека включена еще одна оговорка об изъятиях, которая гласит следующее:

“1. Парламент или законодательный орган какой-либо провинции могут специально объявить в постановлении парламента или, в зависимости от обстоятельств, законодательного органа, что закон или какое-либо его положение будет действовать, несмотря на положение, включенное в раздел 2 или разделы 7-15 настоящей Хартии.

2. Какой-либо закон или положение какого-либо закона, в отношении которых действует заявление, сделанное в соответствии с настоящим разделом, имеет такую же силу, какую этот закон или положение имели бы, если бы не существовало положения настоящей Хартии, упомянутого в заявлении.

3. Заявление, сделанное в соответствии с подразделом 1, утрачивает силу через пять лет после своего введения в действие или ранее, если такой срок был оговорен в заявлении.

4. Парламент или законодательный орган какой-либо провинции могут вновь ввести в действие заявление, сделанное в соответствии с разделом 1.

5. Подраздел 3 применяется в отношении повторного ввода в действие, осуществляемого в соответствии с подразделом 4”.

[...]

5.2 В своем представлении от 28 декабря 1990 года государство-участник заявило о неприемлемости сообщений на основании пункта 2b статьи 5 Фа-

культуративного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах. Оно утверждало, что в этом деле не были исчерпаны все внутренние средства правовой защиты, поскольку авторы не пытались оспорить положения закона № 178 и “обратиться с иском в канадские суды или другие органы, которые правомочны решить этот вопрос в соответствии с канадским законодательством”.

5.3 Государство-участник также отметило, что это законодательство оспаривается, по крайней мере, в ходе двух судебных разбирательств в судах Квебека. [...]

5.4 Далее государство-участник сообщило, что по законодательству Квебека авторы могут установить конституционную законность или применимость закона № 178, обратившись с просьбой вынести решение по установительному иску, и ссылаясь на внутреннюю судебную практику, в соответствии с которой некоторые положения Хартии французского языка были признаны не имеющими силы или недействительными.

[...]

6.2 В частности, авторы первого сообщения утверждают, что, поскольку закон № 178 применяется вопреки канадскому законодательству в области прав человека и поскольку оговорки об изъятиях Канадской и Квебекской хартий, в случае их применения, приостанавливают действие прав человека, гарантированных, в частности, нормами международного права в области прав человека, они не располагают эффективным средством правовой защиты по смыслу пункта 3 статьи 2 Пакта.

6.3 Что касается шагов, предпринятых с целью обеспечить осуществление их прав, то авторы ссылаются на многочисленные письма, направленные в различные провинциальные и федеральные инстанции отдельными лицами и целыми группами, которые не дали никаких результатов. Что касается средств судебной защиты, то авторы объясняют, что решение Верховного суда по делу “Шоссюр Браунз и др.”, которое благоприятствует удовлетворению их иска по суду, не имеет юридической силы в связи с принятым впоследствии законодательством Квебека, которое сводит на нет любые шаги по дальнейшему обжалованию положений раздела 1 закона № 178.

6.4 Что касается возможности возбуждения установительного иска, то авторы утверждают, что в связи с наличием оговорки об изъятиях закон № 178 обжаловать невозможно.

[...]

6.6 В деле, возбужденном другими истцами, 28 декабря 1984 года Высший суд постановил, что раздел 58 Хартии французского языка, предписывающий, что текст знаков и плакатов, выставляемых в общественных местах, и коммерческой рекламы должен составляться только на французском языке, перестает действовать с 1 февраля 1984 года.

6.7 Апелляционный суд подтвердил это решение и признал право на дополнительную апелляцию, постановив, что действие раздела 68 Хартии, предписывающего использование только варианта названия фирмы на французском языке, прекращается с 1 января 1986 года на основании Квебекской хартии прав и свобод человека и с 17 апреля 1982 года на основании Канадской хартии прав и свобод человека.

6.8 Авторы утверждают, что и квебекский, и федеральный суды тщательно рассмотрели последствия применения оспариваемых положений и что они сочли их противоречащими соответствующим конституционным положениям. Авторы подчеркивают, что, хотя суды и признают наличие разумных ограничений на осуществление прав человека, они тем не менее постановили, что запрещение использования любого другого языка, кроме французского, в торговых знаках является неуместным и неоправданным средством борьбы за сохранение французской культуры. В частности, они считают, что обязательство использовать только французский язык в торговых знаках и рекламе нарушает право на свободное выражение своего мнения и является дискриминацией по признаку языка.

[...]

6.10 Кроме того, авторы сообщений жалуются на то, что федеральное правительство Канады не воспользовалось своими конституционными полномочиями в соответствии с разделом 90 конституции 1867 года, чтобы запретить или ограничить действие какого-либо принятого правительством провинции закона, который позволяет игнорировать основные права человека.

Решение Комитета о совместном рассмотрении сообщений и объявлении их приемлемыми

7.1 В соответствии с пунктом 2 правила 88 своих правил процедуры Комитет на своей сороковой сессии в октябре 1990 года принял решение о совместном рассмотрении двух сообщений.

7.2 На своей сорок первой сессии в апреле 1991 года Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости сообщений. Он не согласился с утверждением государства-участника о том, что авторы по-прежнему располагают эффективными средствами правовой защиты с учетом обстоятельств их дел. В связи с этим Комитет отметил, что, несмотря на неоднократные изменения законодательства о защите “языковой индивидуальности” Квебека и, несмотря на то, что некоторые соответствующие законодательные положения были признаны неконституционными поочередно Высшим, Апелляционным и Верховным судами, в итоге это привело лишь к тому, что эти положения были заменены другими положениями, которые по существу идентичны замененным и даже усилены оговоркой об изъятиях, содержащейся в разделе 10 закона № 178.

7.3 В связи с утверждением государства-участника о том, что закон № 178 может быть оспорен и оспаривается в судах Квебека, Комитет отмечает,

что вопросы, поднимаемые при рассмотрении дел в местных судах, отличаются от тех, которые находятся на рассмотрении Комитета, и потому не могут иметь отношения к решению вопроса о том, располагают ли еще авторы сообщений средствами правовой защиты. Комитет далее отметил, что оговорка об изъятиях неприменима к положениям, которые оспаривались в ходе разбирательств, упоминавшихся государством-участником, но остается применимой к разделу 58 закона № 178, который является предметом спора в сообщениях, находящихся на рассмотрении Комитета. Поэтому он пришел к выводу, что авторы сообщений не располагают эффективными средствами правовой защиты в связи со своей жалобой.

7.4 Поэтому 11 апреля 1991 года Комитет объявил сообщения приемлемыми.

Просьба государства-участника о пересмотре решения о приемлемости и информация по существу дела; соответствующие замечания авторов

8.1 В представлении от 6 марта 1992 года федеральное правительство предложило Комитету пересмотреть свое решение о приемлемости. Оно отмечает, что количество истцов, оспаривающих юридическую силу закона № 178, возросло и что 14 января 1992 года в суде Квебека состоятся слушания по данному вопросу. Разбирательство продолжается, и адвокаты правительства провинции планируют изложить точку зрения Квебека 23 и 24 марта 1992 года.

8.2 Государство-участник утверждает, что гражданско-процессуальный кодекс Квебека предоставляет авторам сообщений право потребовать вынесения решения по установительному иску о признании закона № 178 недействительным, и добавляет, что они вправе воспользоваться такой возможностью вне зависимости от того, предъявлены ли им обвинения в правонарушении или нет. Оно утверждает, что в соответствии с широко известным принципом, согласно которому до передачи дела на рассмотрение международного органа должны быть исчерпаны эффективные внутренние средства правовой защиты, суды Канады должны иметь возможность принять решение о юридической силе закона № 178 до того, как этот вопрос будет рассмотрен Комитетом по правам человека.

8.3 Государство-участник далее утверждает, что оговорка об изъятиях в разделе 33 Канадской хартии прав и свобод не противоречит обязательствам Канады по Пакту, в частности по статье 4, а также обязательству по статье 2 обеспечивать граждан средствами правовой защиты. Оно поясняет, что, во-первых, чрезвычайные обстоятельства ограничивают сферу применения раздела 33. Во-вторых, раздел 33, по его мнению, отражает определенную сбалансированность между ролью избранных представителей и ролью судов в толковании прав: “[...] Оговорка об изъятиях является некоторым законодательным противовесом в системе, при которой в противном случае полномочия принимать окончательное решение по вопросам прав предоставлены судьям”.

8.4 Наконец, правительство утверждает, что существование раздела 33 само по себе не противоречит статье 4 Пакта и что ссылка на раздел 33 не обязательно

представляет собой недопустимое отклонение от положений Пакта: “Обязательство Канады состоит в обеспечении того, чтобы раздел 33 никогда не использовался в обстоятельствах, противоречащих международному праву. Верховный суд Канады заявил, что “при толковании содержания прав, гарантируемых Хартией..., Канада должна [руководствоваться] своими международными обязательствами в области прав человека”. Таким образом, право законодательного органа лишать закон юридической силы не может использоваться для разрешения действий, прямо запрещенных международным правом. Поэтому утверждается, что предусмотренное в разделе 33 право законодательного органа отменять юридическое действие закона не противоречит положениям Пакта.

8.5 В другом представлении, сделанном через федеральное правительство Канады, правительство провинции Квебек утверждает, что находящиеся на рассмотрении сообщения не свидетельствуют о нарушении Квебеком статей 2, 19, 26 и 27. Относительно же статьи 27 Квебек утверждает, что развитие событий с 1763 года убедительно подтверждает необходимость принятия франкоговорящим населением мер по защите своего языка и культуры. Даже если бы был сделан вывод, что преобладание в Канаде англоговорящего населения не препятствует использованию авторами ссылки на статью 27 Пакта, предварительное ее изучение показывает, что цель статьи состоит в обеспечении защиты конкретных прав языковых групп, в частности в области образования, правосудия, государственного управления, культуры и религии:

“Поэтому данная статья не может использоваться в качестве обоснования жалоб истцов, поскольку [...] право на коммерческую рекламу и право использовать название фирмы, которое они хотели включить в рекламу, входят по существу за рамки статьи [...]”.

8.6 Относительно жалоб авторов о нарушении статьи 26 правительство Квебека отмечает, что в разделах 58 и 68 Хартии французского языка, с внесенными в них поправки согласно разделам 1 и 6 закона № 178, предусматриваются меры общего характера, которые применяются к коммерческой рекламе и устанавливают одинаковые требования и обязательства для всех предпринимателей независимо от их языка. [...]

8.7 Правительство Квебека отмечает, что в языковой области понятие фактического равенства не предполагает чисто формального равенства и вынуждает применять различные подходы для достижения результата, восстанавливающего сбалансированность между различными ситуациями. [...]

8.8 Требования разделов 58 и 68 закона № 178, как утверждается, преднамеренно ограничены сферой внешней государственной и коммерческой рекламы, поскольку именно в этой сфере символическое значение языка как средства осознания принадлежности к общности проявляется наиболее сильно и в наибольшей степени способствует сохранению культурной самобытности франкоговорящего населения [...]. В связи с этим Квебек заключает, что в законе № 178 определенным образом уравниваются интересы двух языковых общин, одна из которых численно преобладает как в стране, так и на

всем континенте. Как утверждается, эта цель вполне обоснованна и соответствует положениям статьи 26 Пакта.

8.9 Относительно жалобы авторов о нарушении статьи 19 правительство Квебека считает, что предполагаемое нарушение по существу выходит за рамки применения статьи 19. По его мнению, “право на свободное выражение своего мнения, предусмотренное в Пакте, касается, главным образом, выражения своего мнения в области политики, культуры и искусства и не распространяется на коммерческую рекламу.” [...]

8.10 Правительство Квебека приходит к выводу, что право на коммерческую уличную рекламу на языке по выбору авторов “не защищено каким-либо положением Пакта, и, даже если бы такое право было прямо предусмотрено в нем, Хартия французского языка с внесенными в нее поправки согласно закону № 178 с точки зрения какого-либо возможного ущемления этого права является вполне обоснованной и преследует цели, соответствующие положениям Пакта”. В любом случае Хартия французского языка с внесенными в нее поправками согласно закону № 178 может стать для Квебека средством сохранения его языковых особенностей и способствовать формированию у франкоговорящего населения чувства безопасности в языковой сфере.

9.1 В своих замечаниях по вышеприведенной информации авторы сообщения № 359/1989 отрицают существование эффективных внутренних средств правовой защиты. [...] Ввиду оговорки об изъятиях, содержащейся в разделе 10 закона № 178, авторы, по их утверждению, лишены возможности обратиться в суд хотя бы с просьбой рассмотреть вопрос о том, противоречит ли закон предусмотренным в Хартии гарантиям свободы выражения мнения и защиты от дискриминации.

9.2 Авторы утверждают, что эти доводы применимы и тогда, когда правительство предлагает им обратиться в суд с просьбой принять решение по установительному иску [...]. В связи с этим авторы далее отмечают, что по канадскому законодательству они не могут ссылаться на положения Пакта в судах Канады.

9.3 Авторы отвергают аргументы федерального правительства в отношении применения и ограничений раздела 33 Канадской хартии как совершенно не обоснованные на практике. Они утверждают, что любая попытка свести к минимуму последствия или подчеркнуть трудности применения оговорки об изъятиях обречена на неудачу, если посмотреть, с какой легкостью Квебеку удалось осуществить закон, касающийся конституционного закона 1982 года, и какое воздействие это оказало на сужение сферы защиты, которая обеспечивается в Канадской хартии. Кроме того, скорость, с которой был введен в действие закон № 178 – неделю спустя после вынесения Верховным судом решения по делу “*Шоссюр Браунз и др.*” – опровергает утверждение о том, что оговорка об изъятиях имеет весьма ограниченную сферу применения и используется в очень редких обстоятельствах.

9.4 Авторы отвергают довод о том, что оговорка об изъятиях определенным образом уравновешивает полномочия законодательных и судебных

органов. Они утверждают, что в разделе 1 Канадской хартии уже предусмотрены такие противовесы и пользование правами человека допускается в разумных пределах, устанавливаемых законодательством и вполне оправданных в свободном и демократическом обществе. В разделе 9(1) Квебекской хартии содержатся аналогичные ограничения. По мнению авторов, если не считать соображений политической целесообразности, для существования оговорок об изъятиях нет никаких оснований.

9.5 Наконец, авторы отвергают утверждение о том, что оговорки об изъятиях не противоречат международным обязательствам Канады в области прав человека. Так, предусмотренное в законе № 178 право законодательного органа лишать юридической силы положения закона может действовать лишь при наличии таких оговорок. Авторы считают, что Канада не смогла принять все необходимые меры по выполнению своих обязательств в соответствии с Пактом и Факультативным протоколом.

9.6 В замечаниях адвоката г-на Макинтайра вновь повторяется, что закон № 178 нарушает основные права, защищаемые Пактом. Он утверждает, что, приводя данные о медленном уменьшении доли населения, говорящего на французском языке в Канаде в целом, Квебек не указал, что в этой провинции сфера использования французского языка расширяется за счет английского языка и численность англоговорящей общины падает. Кроме того, хотя Квебек изображает поправки к конституции 1982 года как ущемляющие французский язык, в ответ на это можно утверждать, что раздел 23 измененной Хартии о правах и свободах оказался весьма эффективным средством поддержки франкоговорящего населения за пределами Квебека.

9.7 Адвокат г-на Макинтайра отвергает как “весьма тенденциозную” точку зрения Квебека, согласно которой к англоговорящему меньшинству относятся с особенным вниманием. Напротив, по его мнению, это меньшинство с 1970 года встречается с “систематическим противодействием” [...]. Кроме того, хотя в прошлом права франкоговорящего меньшинства в остальной части Канады зачастую ущемлялись, положение в настоящее время меняется в лучшую сторону. На основании этого адвокат отрицает, что исторические или правовые доводы оправдывают введение в законе № 178 ограничений с учетом статей 19, 26 или 27 Пакта.

9.8 Адвокат утверждает, что, приводя аргументы о причинной связи между языком уличной коммерческой рекламы и предполагаемой угрозой выживанию французского языка, Квебек лишь повторяет доводы, использованные им в ходе проигранного дела “Шоссюр Браунз и др.”. Он вновь повторяет, что между оспариваемыми законодательными положениями и какой-либо разумной охраной или защитой французского языка нет никакой связи.

9.9 Адвокат утверждает, что, если говорить о предполагаемом нарушении права на свободу выражения мнения, нет никаких оснований исключать из сферы защиты коммерческое выражение мнения. Было бы трудно провести какое-либо различие между коммерческим и некоммерческим выражением

ем мнения, и, кроме того, в последние годы Верховный суд Канады давал широкое и либеральное толкование понятия свободы выражения мнения.

9.10 Наконец, относительно раздела 33 Канадской хартии адвокат утверждает, что, поскольку право на свободное выражение своего мнения и право на защиту от дискриминации подлежат обеспечению в соответствии с Пактом, раздел 33 не может использоваться в качестве механизма лишения этих прав [...].

Пересмотр решения о приемлемости

10.1 Комитет принял к сведению замечания сторон, сделанные ими после принятия решения о приемлемости в отношении приемлемости и существования сообщения. Он пользуется возможностью для разъяснения своего заключения о приемлемости сообщения.

10.2 Государство-участник утверждало, что, поскольку вопрос о юридической силе закона № 178 находится на рассмотрении судов Квебека и авторы могут обратиться в суд с просьбой принять решение по установительному иску о недействительности закона, сообщения являются неприемлемыми. Комитет отмечает, что государство-участник не ответило на доводы, приведенные в его решении о приемлемости и изложенные в пунктах 7.2 и 7.3 выше. Из представленной государством-участником информации далее вытекает, что дела, находящиеся на рассмотрении судов Квебека, касаются положений закона № 178 о правонарушениях, но не имеют отношения к оговорке об изъятиях, содержащейся в разделе 10 этого закона, или к разделу 33 Канадской хартии и разделу 52 Квебекской хартии. Данная оговорка остается применимой к разделу 58 Хартии французского языка с внесенными в нее поправками согласно разделу 1 закона № 178. Потому любое оспаривание раздела 58 на основании предполагаемого нарушения основных свобод неизбежно обречено на неудачу.

10.3 Остается выяснить, будет ли для авторов решение по установительному иску о недействительности закона № 178 эффективным средством правовой защиты. Комитет отмечает, что такое решение не лишит юридической силы Хартию французского языка и даст возможность законодательному собранию Квебека отменить любое такое решение, заменив положения, признанные недействительными, по существу такими же положениями и используя оговорку об изъятиях Квебекской хартии. С учетом прецедента и применения закона № 178 такой ход событий вполне возможен. В итоге запрет на использование в уличной рекламе каких-либо языков помимо французского останется без изменений. Кроме того, в решении по установительному иску не будет учтен вопрос о соответствии вышеприведенных оговорок об изъятиях международным обязательствам, взятым на себя Канадой.

10.4 Комитет далее по собственной инициативе вновь рассмотрел вопрос о том, все ли авторы действительно должны считаться жертвами по смыслу статьи 1 Факультативного протокола. В этом контексте отмечалось, что г-н Баллантайн и г-жа Дэвидсон не получали предупредительных уведомлений от уполномоченного комиссии по защите французского языка и не подвергались какому-

либо наказанию. Однако позиция Комитета заключается в том, что, когда какое-либо лицо относится к категории лиц, деятельность которых в силу соответствующего законодательства считается противоречащей закону, оно может относить себя к категории “жертв” по смыслу статьи 1 Факультативного протокола.

10.5 С учетом вышесказанного Комитет не видит оснований для пересмотра своего решения о приемлемости от 11 апреля 1991 года.

Рассмотрение существа вопроса

11.1 Что касается существа дела, то Комитету предстоит решить три основных вопроса:

а) нарушает ли раздел 58 Хартии французского языка с внесенными в него поправками согласно разделу 1 закона № 178 какое-либо право, которым авторы могли бы обладать на основании положений статьи 27;

б) нарушает ли раздел 58 Хартии французского языка с внесенными в него поправками согласно разделу 1 закона № 178 право авторов на свободное выражение своего мнения; и

с) совместим ли этот раздел с соблюдением права авторов на равенство перед законом.

11.2 Относительно статьи 27 Комитет отмечает, что она касается меньшинств [...] в государствах, которые ратифицируют Пакт. Далее, в статье 50 Пакта предусматривается, что его постановления распространяются на все части федеративных государств без каких бы то ни было ограничений или изъятий. Соответственно, меньшинства, упоминаемые в статье 27, являются меньшинствами в рамках такого государства, а не меньшинствами в рамках какой-либо провинции. Группа может являться большинством в провинции, но тем не менее быть меньшинством в государстве и поэтому иметь возможность пользоваться правами, предусмотренными в статье 27. Англоговорящие граждане Канады не могут считаться языковым меньшинством. Поэтому авторы не могут обращаться с жалобой о нарушении статьи 27 Пакта.

11.3 В соответствии со статьей 19 Пакта каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; пользование этим правом может быть сопряжено с ограничениями, условия введения которых установлены в пункте 3 статьи 19. Правительство Квебека утверждало, что коммерческая деятельность, например уличная реклама, выходит за рамки статьи 19. Комитет не разделяет этой точки зрения. Пункт 2 статьи 19 следует толковать как охватывающий любые формы субъективных взглядов и мнений, которые могут передаваться другим лицам при условии соблюдения статьи 20 Пакта, любые формы новостей и информации, выражения коммерческих интересов и рекламы, произведений искусства и т.д.; этот пункт не должен ограничиваться лишь выражением взглядов в области политики, культуры или искусства. По мнению Комитета, коммерческий элемент в выражении своего мнения в форме уличной рекламы не может иметь следствием изъятие данной формы выражения мнения из сферы защищаемого права. Комитет не может также со-

гласиться с тем, что пользование любой из вышеперечисленных форм выражения своего мнения может быть сопряжено с ограничениями в различной степени, в результате чего пользование некоторыми формами выражения своего мнения может быть сопряжено с более широкими ограничениями, чем пользование другими формами.

11.4 Любое ограничение права на свободное выражение своего мнения может вводиться при обязательном соблюдении следующей совокупности условий: оно должно быть установлено законом, оно должно преследовать одну из целей, перечисленных в подпунктах *a* и *b* пункта 3 статьи 19, и оно должно быть необходимым для достижения данной законной цели. Хотя ограничения уличной рекламы действительно установлены законом, вопрос состоит в том, необходимы ли эти ограничения для соблюдения прав других лиц. Права других лиц могут быть лишь правами франкоговорящего меньшинства на территории Канады, предусмотренными в статье 27. Это право пользоваться своим родным языком, которое не ущемляется правом других лиц на свободное размещение рекламы не на французском, а на каком-либо ином языке. У Комитета нет также оснований полагать, что размещение коммерческой уличной рекламы не на французском, а на каком-либо другом языке угрожает общественному порядку. Комитет отмечает, что государство-участник не защищает закон № 178, исходя из этих посылок. Любые ограничения, вводимые в соответствии с подпунктами *a* и *b* пункта 3, должны в любом случае быть необходимыми. Комитет считает, что в запрещении коммерческой рекламы на английском языке для защиты уязвимого положения в Канаде франкоязычной группы населения нет необходимости. Эта защита может быть обеспечена иными путями, не ущемляющими свободу выражения мнения на языке по своему выбору лицами, занимающимися таким видом деятельности, как торговля. Например, закон может требовать, чтобы реклама была на французском и английском языках. Государство может выбрать один или несколько официальных языков, но оно не может лишать людей вне сферы государственного управления права на свободное выражение своего мнения на языке по своему выбору. Поэтому Комитет приходит к выводу, что имело место нарушение пункта 2 статьи 19.

11.5 Авторы утверждали о нарушении своего права, предусмотренного в статье 26, на равенство перед законом; правительство Квебека утверждало, что в разделах 1 и 6 закона № 178 предусмотрены меры общего характера, применяемые ко всем лицам, занимающимся торговлей, вне зависимости от их языка. Комитет отмечает, что в разделах 1 и 6 закона № 178 предусмотрено запрещение использования коммерческой уличной рекламы на каком-либо ином языке помимо французского. Это запрещение действует в отношении как франкоговорящего, так и англоговорящего населения, и франкоговорящее лицо, желающее разместить рекламу на английском языке для привлечения англоговорящего населения, не может этого сделать. Поэтому Комитет приходит к выводу, что авторы не подвергались дискриминации по языковому признаку, и заключает, что нарушение статьи 26 Пакта отсутствовало.

12. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что рассмотренные им факты свидетельствуют о нарушении пункта 2 статьи 19 Пакта.

[...]

Примечание редактора: Г-н Сади не согласился с решением Комитета о приемлемости. По его мнению, решение по установительному иску было доступным и эффективным средством правовой защиты. Таким образом, сообщения должны были быть объявлены неприемлемыми в связи с исчерпанием внутренних средств правовой защиты.

Г-н Ндиайе высказал свое собственное особое (расходящееся) мнение о том, что Хартия французского языка преследует то же самую цель, что и статья 27 Пакта, а именно является средством сохранения этнических, религиозных и языковых меньшинств. Он утверждает, что достижение этой цели, в случае необходимости, должно обеспечиваться путем ограничения права свободно выражать свое мнение на основании пункта 3 статьи 19.

Г-н Херндль (совпадающее/расходящееся особое мнение) и г-н Веннергрэн (совпадающее мнение) отметили, что, по их мнению, права, на которые ссылались авторы, не были “правами меньшинства” как таковыми, и что запрещение использования в целях коммерческой уличной рекламы любого другого языка кроме французского не ущемляет ни одно из прав, подлежащих защите в соответствии со статьей 27. По этим причинам в сообщениях не затрагиваются вопросы, рассматриваемые в этой статье. Г-н Херндль также поставил вопрос о том, действительно ли г-н Баллантайн и г-жа Дэвидсон могут считаться “жертвами” по смыслу статьи 1 Факультативного протокола.

Г-жа Эватт, г-н Андо, г-н Бруни Челли и г-н Димитриевич (совпадающее мнение) заявили, что термин “меньшинства”, используемый в статье 27, не должен толковаться исключительно на основе численности членов данной группы в государстве-участнике. Они не согласны с тем, что лица должны обязательно “лишаться защиты, предусмотренной в статье 27, когда группа, к которой они принадлежат, является этническим, языковым или культурным меньшинством в автономной провинции государства, но, безусловно, не является численным меньшинством в государстве в целом”.

34. СООБЩЕНИЕ № 628/1995, ДЭ ХУН ПАК ПРОТИВ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Доклад Комитета по правам человека, том II, GAOR, пятьдесят четвертая сессия, Дополнение № 40 (A/54/40), сс. 85-92. Примечания и сноски опущены.

Дата сообщения: 11 августа 1994 года

Соображения приняты: 20 октября 1998 года (шестьдесят четвертая сессия)

Соображения, представленные согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Автором сообщения является г-н Дэ Хун Пак, гражданин Кореи, родившийся 3 ноября 1963 года. Он утверждает, что является жертвой нарушения Республикой Корея пункта 1 статьи 18, пунктов 1 и 2 статьи 19 и статьи 26 Международного пакта о гражданских и политических правах. Его представ-

ляет г-н Йонг-Ван Чхо из юридической фирмы “Дуксу” в Сеуле. Международный пакт о гражданских и политических правах и Факультативный протокол к нему вступили в силу для Республики Корея 10 июля 1990 года.

Факты, представленные автором

2.1 В своем решении, принятом 22 декабря 1989 года, Сеульский окружной уголовный суд признал автора сообщения виновным в нарушении пунктов 1 и 3 статьи 7 Закона 1980 года о национальной безопасности и приговорил его к одному году тюремного заключения условно и к одному году лишения права на работу по его профессии. Автор сообщения обратился с апелляцией в Сеульский высокий суд, однако в связи с тем, что в тот момент он был призван в Корейскую армию по Закону о воинской службе, Сеульский высокий суд передал его дело в Военный высокий суд Армии. Военный высокий суд в своем решении от 11 мая 1993 года отклонил его апелляционную жалобу. Тогда автор сообщения обратился с апелляционной жалобой в Верховный суд, который в своем решении от 24 декабря 1993 года подтвердил вынесенный ему приговор. В такой ситуации, как утверждается, все имеющиеся внутренние средства правовой защиты были исчерпаны. В этой связи было заявлено, что Конституционный суд в своем решении от 2 апреля 1990 года признал пункты 1 и 5 статьи 7 Закона о национальной безопасности конституционными. Автор сообщения утверждает, что, хотя в решении Суда пункт 3 статьи 7 не упоминается, из этого решения вытекает, что пункт 3 тоже является конституционным, поскольку этот пункт органически увязан с пунктами 1 и 5 этой статьи.

2.2 Основанием для вынесения автору сообщения приговора послужил тот факт, что он являлся членом и принимал участие в деятельности Союза молодых корейцев (СМК) во время его учебы в Соединенных Штатах в Чикагском университете штата Иллинойс в период с 1983 по 1989 год. СМК является американской организацией, в которую входят молодые корейцы и которая занимается проведением обсуждений по вопросам установления мира и объединения Северной и Южной Кореи. В то время эта организация очень критически относилась к тогдашнему военному правительству Республики Корея и к поддержке этого правительства со стороны Соединенных Штатов. Автор сообщения подчеркивает, что вся деятельность СМК носила мирный характер и проводилась в рамках законов Соединенных Штатов.

2.3 Суд признал, что СМК является организацией, которая преследует цель совершения преступлений в виде поддержки и пропаганды деятельности правительства Северной Кореи, т.е. “враждебной организацией”. Членство автора сообщения в этой организации, следовательно, представляет собой преступление согласно пункту 3 статьи 7 Закона о национальной безопасности. Более того, участие автора сообщения в демонстрациях, проводимых в Соединенных Штатах в знак протеста против американского вмешательства, представляло собой поддержку Северной Кореи в нарушение пункта 1 статьи 7 Закона о национальной безопасности. Автор сообщения указывает на то, что на

основании вынесенного против него решения любой член СМК может быть привлечен к суду за принадлежность к “враждебной организации”.

2.4 Из переводов судебных решений по делу автора сообщения, представленных его адвокатом, явствует, что осуждение и приговор были вынесены по факту того, что автор сообщения своим участием в некоторых мирных демонстрациях и других манифестациях, проводившихся в Соединенных Штатах, выражал свою поддержку или симпатию к определенным политическим лозунгам и взглядам.

2.5 Заявляется при этом, что приговор автору сообщения был вынесен на основании его признаний, полученных под принуждением. Автор сообщения был арестован в конце августа 1989 года без ордера на арест и в течение 20 дней подвергался допросам в Управлении планирования национальной безопасности, а затем еще в течение 30 дней содержался под стражей до вынесения обвинения. Автор сообщения заявляет, что, хотя в своем сообщении он не хочет поднимать вопрос о справедливости судебного процесса, следует отметить, что корейские суды проявили недобросовестность при рассмотрении его дела.

2.6 Адвокат заявляет, что деятельность, за которую был осужден автор сообщения, имела место до вступления в силу Пакта для Республики Корея, а рассмотрение его дела Военным высшим судом и Верховным судом проводилось после вступления Пакта в силу. Поэтому, как утверждается, на это дело распространяется действие Пакта, и суды должны были принимать во внимание соответствующие статьи Пакта. В этой связи автор сообщения заявляет, что в своем апелляционном обращении в Верховный суд он указывал на замечания Комитета по правам человека после рассмотрения последним первоначального доклада, представленного Республикой Корея в соответствии со статьей 40 Пакта (CCPR/C/79/Add.6), в которых Комитет выразил обеспокоенность по поводу продолжающегося применения Закона о национальной безопасности; он утверждал, что Верховный суд должен применять и толковать Закон о национальной безопасности в соответствии с рекомендацией, вынесенной Комитетом. Между тем, Верховный суд в своем постановлении от 24 декабря 1993 года заявил:

“Даже несмотря на то что Комитет по правам человека [...] указал на упомянутые проблемы в отношении Закона о национальной безопасности, необходимо сказать, что этот закон не утрачивает своей силы на основании лишь этого. ...Следовательно, нельзя говорить о том, что наказание обвиняемого за нарушение этого закона является отступлением от международной нормы защиты прав человека или противоречит справедливому применению законодательства” [...].

Жалоба

3.1 Автор сообщения заявляет, что он был осужден за свои критические взгляды на ситуацию в Южной Корее и проводимую этой страной политику, которые, по мнению южнокорейских властей, выражались им в целях поддержки Северной Кореи, лишь на том основании, что Северная Корея тоже критически относится к южнокорейским властям и проводимой ими политике. Автор сообщения утверждает, что подобная презумпция является абсурдной

и лишает права на свободу выражения любых критических взглядов в отношении проводимой правительством политики.

3.2 Автор утверждает, что его осуждение и вынесенный ему приговор представляют собой нарушение пункта 1 статьи 18, пунктов 1 и 2 статьи 19 и статьи 26 Пакта. Он утверждает, что, хотя он и был осужден за участие в организации, на самом деле его осудили за критические взгляды, которые выражал он и другие члены СМК в отношении официальной политики правительства Южной Кореи. Он далее заявляет, что, несмотря на гарантию свободы ассоциации, закрепленную в Конституции, Закон о национальной безопасности ограничивает свободу ассоциации тех, кто не согласен с официальной политикой правительства. По сути, это представляет собой дискриминацию в нарушение статьи 26 Пакта. В связи с тем, что Республика Корея выразила оговорку по статье 22 Пакта, автор не указывает в своем сообщении о нарушении этой статьи.

3.3 Автор сообщения просит Комитет заявить о том, что Республика Корея нарушила его права на свободу убеждений, на свободу мнений и их выражения и его право на равенство перед законом в осуществлении им его права на свободу ассоциации. Он далее просит Комитет потребовать от Республики Корея отменить пункты 1, 3 и 5 статьи 7 Закона о национальной безопасности и приостановить действие этих статей, пока вопрос об их отмене будет рассматриваться в Национальном собрании. Он также просит предоставить ему право на повторный судебный процесс и признать его невиновным и требует компенсации за страдания, причиненные ему в результате этих нарушений.

Замечания государства-участника и комментарии адвоката

4.1 В представлении от 8 августа 1995 года государство-участник напомнило о том, что составом преступления в деле автора сообщения было, в частности, то, что он поддерживал, наряду с другими антигосударственными взглядами, мнение о том, что Соединенные Штаты контролируют Южную Корею с помощью режима военной диктатуры.

4.2 Государство-участник утверждает о неприемлемости представленного сообщения в силу того, что не были исчерпаны внутренние средства правовой защиты. В этой связи государство-участник отмечает, что, если автор сообщения утверждает, что он был арестован без предъявления ему ордера на арест и что он был задержан без оснований, то эти вопросы он мог бы попытаться решить путем использования установленной процедуры обжалования или обращения с апелляционной жалобой в Конституционный суд. Кроме того, государство-участник утверждает, что автор сообщения мог бы потребовать повторного судебного процесса, если у него есть веские доказательства своей невиновности или совершения преступления теми, кто проводил следствие по его делу.

4.3 Государство-участник далее утверждает о неприемлемости представленного сообщения в связи с тем, что речь идет о событиях, которые имели место до вступления в силу Пакта и Факультативного протокола к нему.

[...]

5.1 В своих комментариях по представлению государства-участника адвокат отметил, что государство-участник неправильно понимает смысл требований автора сообщения. Он подчеркнул, что в настоящем деле речь не идет о возможных нарушениях прав автора сообщения в ходе расследования и судебного процесса. При этом адвокат отмечает, что вопрос о повторном судебном процессе не имеет отношения к требованиям автора. Он не оспаривает предъявленные против него доказательства, а утверждает, что по этим установленным фактам его не должны были осуждать и наказывать, поскольку его деятельность проводилась строго в рамках мирного осуществления им своего права на свободу убеждения, мнения и выражения.

[...]

6.2 Комитет отметил утверждение государства-участника о неприемлемости представленного сообщения с учетом того, что жалоба касается событий, имевших место до вступления в силу Пакта и Факультативного протокола к нему. Комитет отметил, однако, что, несмотря на то, что автор сообщения был осужден первой инстанцией 22 декабря 1989 года, т. е. до вступления в силу Пакта и Факультативного протокола к нему для Кореи, обе его апелляционные жалобы рассматривались *после* даты вступления в силу этих документов. В этих обстоятельствах Комитет пришел к выводу о том, что заявленные нарушения имели место уже после вступления в силу Пакта и Факультативного протокола к нему и что это не препятствует Комитету рассматривать *ratione temporis* представленное сообщение.

6.3 Комитет также отметил утверждение государства-участника о том, что автор сообщения не исчерпал всех имеющихся в его распоряжении внутренних средств правовой защиты. Комитет отметил, что некоторые из названных государством-участником средств правовой защиты касаются тех аспектов судебного преследования, которые не были указаны автором в представленном в Комитет сообщении. Комитет далее отметил, что государство-участник утверждает, что вопрос о конституционности статьи 7 Закона о национальной безопасности все еще находится на рассмотрении Конституционного суда. Комитет также отметил, что автор сообщения утверждает о бесперспективности обращения в Конституционный суд с учетом того, что Суд уже вынес, впервые 2 апреля 1990 года, решение о том, что указанная статья 7 не противоречит Корейской конституции, и затем неоднократно подтверждал это решение. На основании представленной ему информации Комитет не считает, что у автора сообщения остались еще какие-либо эффективные средства правовой защиты по смыслу пункта 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

6.4 Комитет удостоверился, согласно требованию пункта 2 а) статьи 5 Факультативного протокола, что этот вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

6.5 Комитет пришел к выводу, что факты, представленные автором сообщения, могут поднимать вопросы в отношении статей 18, 19 и 26 Пакта, которые требуют их рассмотрения по существу.

7. С учетом вышеизложенного, 5 июля 1996 года Комитет по правам человека принял решение о приемлемости представленного сообщения.

Замечания государства-участника по существу и комментарии по ним адвоката

8.1 В своих замечаниях государство-участник отмечает, что автор сообщения был осужден за нарушение национального законодательства после надлежащего расследования неопровержимых фактов по его делу. Государство-участник заявляет, что, несмотря на нестабильную обстановку в области безопасности в стране, оно делает все возможное для обеспечения гарантии полного соблюдения всех основных прав человека, включая свободу выражения своих убеждений и мнений. Вместе с тем, государство-участник отмечает, что непреложная необходимость сохранения основ своей демократической системы требует принятия защитных мер.

8.2 Корейская конституция содержит положение (пункт 2 статьи 37), устанавливающее, что “свободы и права граждан могут быть ограничены законом только в том случае, когда это необходимо для обеспечения национальной безопасности, поддержания правопорядка и благополучия населения”. Согласно Конституции в Законе о национальной безопасности содержатся некоторые положения, которые могут частично ограничивать свободы или права отдельных граждан. По утверждению государства-участника население единодушно поддерживает Закон о национальной безопасности, так как считает, что он необходим для защиты страны от северокорейских коммунистов. [...] По словам государства-участника, нет сомнения в том, что деятельность автора сообщения в качестве члена враждебной организации СМК, поддерживающей политику северокорейских коммунистов, представляла угрозу сохранению демократической системы в Республике Корея.

8.3 В том, что касается утверждения автора сообщения о том, что при рассмотрении его дела Суд должен был применять положения Пакта, государство-участник заявляет, что “автор был осужден не потому, что Суд преднамеренно ограничил применение Пакта, а потому, что это было вопросом необходимости отдать приоритет положениям Закона о национальной безопасности над некоторыми правами отдельных граждан, закрепленными в Пакте, с учетом обстановки в области безопасности в Корее”.

9.1 В своих комментариях касательно представления государства-участника адвокат утверждает, что тот факт, что в стране сложилась нестабильная обстановка в области безопасности, не имеет никакого отношения к мирному осуществлению автором сообщения его прав на свободу убеждения, мнения, выражения взглядов и собрания. Адвокат утверждает, что государство-участник не смогло установить никакой связи между северокорейскими коммунистами и СМК или автором сообщения и [...] не смогло также доказать, какую угрозу безопасности страны представляла деятельность СМК или автора сообщения.

9.2 [...] По словам адвоката, мнение, которое выражал автор сообщения, можно опровергнуть в ходе дискуссий и дебатов, однако, если выраже-

ние такого мнения осуществляется мирно, его нельзя пресекать уголовным преследованием. [...]

[...]

10.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение с учетом всей информации, предоставленной ему сторонами, как это предусмотрено пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола.

10.2 Комитет принимает к сведению то обстоятельство, что автор не ссылается на статью 22 Пакта, касающуюся свободы ассоциации. В качестве причины отказа указать на это положение адвокат ссылается на оговорку или заявление Республики Корея, согласно которому статья 22 будет применяться лишь тогда, когда корейское законодательство, в том числе Конституция, будет приведено в соответствие с этой статьей. Поскольку жалобы и утверждения автора сообщения можно рассматривать с учетом других положений Пакта, Комитету нет необходимости по своей инициативе занимать ту или иную позицию в отношении возможного воздействия сделанной оговорки или заявления. Таким образом, Комитету предстоит решить вопрос о том, является ли осуждение автора сообщения на основании Закона о национальной безопасности нарушением его прав по смыслу статей 18, 19 и 26 Пакта.

10.3 Комитет отмечает, что статья 19 гарантирует свободу мнения и выражения взглядов и допускает ограничения только в случаях, когда они установлены законом и являются необходимыми а) для уважения прав и репутации других лиц и б) для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения. Право на свободу выражения мнения имеет важнейшее значение в любом демократическом обществе, и любые ограничения осуществления этого права должны отвечать строгому критерию оправданности. Если государство-участник заявляет, что ограничения были оправданы необходимостью охраны государственной безопасности и были установлены на законном основании согласно статье 7 Закона о национальной безопасности, Комитет все равно должен определить, была ли необходимость в принятии таких мер для достижения заявленной цели. Комитет отмечает, что государство-участник аргументирует свою позицию соображениями национальной безопасности, ссылаясь на общую ситуацию в стране и на угрозу со стороны “северокорейских коммунистов”. Комитет считает, что государство-участник не смогло конкретизировать точный характер угрозы, которую, по его утверждению, представляло собой осуществление автором сообщения права на свободу выражения мнения, и приходит к выводу о том, что ни один из аргументов, выдвинутых государством-участником, не является достаточным и совместимым с пунктом 3 статьи 19 основанием для введения ограничения на право автора сообщения на свободу выражения мнения. Комитет внимательно изучил судебные решения, по которым автор сообщения был осужден, и считает, что ни одно из этих решений или представлений государства-участника не доказывает, что осуждение автора сообщения было вызвано необходимостью защиты одной из законных целей, предусмотренных в пункте

3 статьи 19. Таким образом, осуждение автора сообщения за акты выражения им своих взглядов должно классифицироваться как нарушение права автора сообщения, закрепленного в статье 19 Пакта.

10.4 В этой связи Комитет не согласен с заявлением государства-участника о том, что “автор был осужден не потому, что Суд преднамеренно ограничил применение Пакта, а потому, что это было вопросом необходимости отдать приоритет положениям Закона о национальной безопасности над некоторыми правами отдельных граждан, закрепленными в Пакте, с учетом обстановки в области безопасности в Корее”. Комитет отмечает, что государство-участник, став участником Пакта, взяло на себя обязательство, в соответствии со статьей 2, соблюдать и обеспечивать все закрепленные в нем права. Оно также взяло на себя обязательство принимать такие законодательные или иные меры, которые могут быть необходимы для осуществления этих прав. Комитет считает несовместимым с положениями Пакта то обстоятельство, что государство-участник отдает приоритет применению своего национального законодательства над своими обязательствами по Пакту. В этой связи Комитет отмечает, что государство-участник не делало, в соответствии с пунктом 3 статьи 4 Пакта, объявления о том, что в стране возникло чрезвычайное положение и поэтому оно приостанавливает действие некоторых прав, закрепленных в Пакте.

10.5 В свете вышеназванных обстоятельств Комитет не обязан рассматривать вопрос о том, является ли осуждение автора сообщения нарушением статей 18 и 26 Пакта.

11. Действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, Комитет по правам человека считает, что имеющиеся в его распоряжении факты свидетельствуют о нарушении статьи 19 Пакта.

12. В соответствии с пунктом 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано предоставить г-ну Дэ Хун Паку эффективные средства правовой защиты, в том числе надлежащую компенсацию в связи с его осуждением за осуществление им своего права на свободу выражения своих взглядов. Государство-участник обязано обеспечить, чтобы подобные нарушения не повторялись в будущем.

[...]

35. СООБЩЕНИЕ № 412/1990, АУЛИ КИВЕНМАА ПРОТИВ ФИНЛЯНДИИ

Доклад Комитета по правам человека, том II, GAOR, сорок девятая сессия, Дополнение № 40 (A/49/40), сс. 85-95. Примечания и сноски опущены.

Дата сообщения: 7 марта 1990 года

Соображения приняты: 31 марта 1994 года (пятидесятая сессия)

Соображения в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Автором сообщения является г-жа Аули Кивенмаа, гражданка Финляндии, генеральный секретарь Социал-демократической молодежной организации.

Она утверждает, что является жертвой нарушения Финляндией статей 15 и 19 или 21 Международного пакта о гражданских и политических правах. Ее представляет адвокат.

Факты

2.1 3 сентября 1987 года по случаю визита в Финляндию главы иностранного государства и его встречи с президентом Финляндии автор и около 25 членов ее организации в числе более крупной группы лиц собрались перед президентским дворцом, в котором проходила встреча двух лидеров, распространяли листовки и подняли плакат, осуждающий деятельность прибывшего с визитом главы государства в области прав человека. Полицейские незамедлительно отобрали плакат и стали искать виновных. Автор назвала себя и впоследствии была осуждена за нарушение Закона об общественных собраниях, поскольку она организовала такое собрание без предварительного уведомления.

2.2 [...] В соответствии с положениями пункта 1 статьи 12 этого Закона организация общественного собрания без уведомления об этом полиции не менее чем за шесть часов до его начала является наказуемым правонарушением. [...]

2.3 Хотя автор и утверждала, что она не организовывала общественное собрание, а только выражала свое осуждение предполагаемых нарушений прав человека прибывшим с визитом главой государства, 27 января 1988 года городской суд признал ее виновной в предъявленных обвинениях и приговорил к уплате штрафа в размере 438 финских марок. [...]

2.4 19 сентября 1989 года апелляционный суд оставил в силе решение городского суда, заявив, в частности, что положения Закона об общественных собраниях “в отсутствие других правовых положений” применяются также в случае манифестаций [...], что Пакт допускает предусмотренное Законом ограничение свободы выражения мнений и свободы собраний и что требование о предварительном уведомлении в данном случае было обоснованным, поскольку “манифестация” была направлена против прибывшего с визитом главы государства.

2.5 21 февраля 1990 года Верховный суд отказал в разрешении на подачу апелляционной жалобы, не представив дополнительных обоснований.

Жалоба

3. Автор отрицает, что происшедшее является общественным собранием по смыслу Закона об общественных собраниях. Она характеризует этот инцидент скорее как осуществление ее права на свободное выражение мнения, которое регулируется в Финляндии Законом о свободе печати и не требует предварительного уведомления. Поэтому она настаивает на том, что ее осуждение представляет собой нарушение статьи 19 Пакта. Она утверждает, что процедура, в соответствии с которой суды признали ее действия подпадающими под сферу применения этого Закона, представляет собой обоснование

ex analogia и, таким образом, не дает достаточных оснований для “установленного законом” ограничения ее права на свободное выражение своего мнения по смыслу пункта 3 статьи 19. [...] Автор далее утверждает, что, даже если данное мероприятие могло бы толковаться как осуществление права на свободное проведение собраний, она не была обязана уведомлять полицию, поскольку манифестация не имела формы общественного собрания или общественного марша, как это определено в указанном выше Законе.

[...]

6.1 В ходе своей сорок четвертой сессии Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости данного сообщения. Он отметил, что внутренние средства правовой защиты были исчерпаны и что этот же вопрос не рассматривался в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

6.2 20 марта 1992 года Комитет объявил сообщение приемлемым, поскольку в связи с ним могут возникать вопросы по статьям 15², 19 и 21 Пакта. [...]

[...]

7.3 Государство-участник указывает, что право на свободу выражения своего мнения может ограничиваться властями в той мере, в какой эти ограничения не затрагивают самой сути этого права. Применительно к настоящему случаю государство-участник заявляет, что свобода автора выражать свое мнение не была ограничена. Ей было разрешено свободно выражать свое мнение, в частности путем распространения листовок, и полиция, получив информацию об организаторе этого публичного собрания, не препятствовала автору и ее группе продолжать свою деятельность. В этой связи государство-участник отрицает, что Закон об общественных собраниях применялся *ex analogia* для ограничения права на свободу выражения своего мнения.

7.4 В этой связи государство-участник заявляет, что манифестация обязательно предполагает выражение своего мнения, однако ввиду ее особого характера может рассматриваться в качестве осуществления права на мирные собрания. В этой связи государство-участник заявляет, что статья 21 Пакта должна рассматриваться в качестве *lex specialis* в связи со статьей 19 и что поэтому выражение какого-либо мнения в контексте манифестации должно рассматриваться в рамках статьи 21, а не в рамках статьи 19 Пакта.

[...]

² **Примечание редактора:** Автор утверждала, что применение Закона об общественных собраниях к обстоятельствам ее дела являлось нарушением статьи 15 Пакта (*nullum crimen sine lege, nulla poena sine lege*), так как не существует закона, согласно которому проведение политической демонстрации является преступлением. Однако Комитет отмечает, что “хотя автор сообщения основывает свою жалобу на статье 15, в данном конкретном случае в связи с этим положением не возникает никаких вопросов” (пункт 9.4 соображений Комитета).

7.6 В отношении утверждений автора о том, что она является жертвой нарушений статьи 21 Пакта, государство-участник напоминает, что статья 21 допускает ограничения права на мирные собрания. В Финляндии Закон об общественных собраниях гарантирует право на мирные общественные собрания при условии обеспечения общественного порядка и безопасности и предупреждения злоупотреблений правом на собрания. [...] Государство-участник отмечает, что в утвердившемся толковании этого Закона его положения применяются также к манифестациям, организуемым как общественные собрания или уличные шествия. [...]

[...]

7.9 В отношении конкретных обстоятельств данного случая государство-участник полагает, что поведение автора и ее друзей фактически было аналогичным проведению общественного собрания по смыслу статьи 1 Закона об общественных собраниях. [...] Наконец, государство-участник заявляет, что требование о предварительном уведомлении соответствует второму предложению статьи 21. В этой связи государство-участник заявляет, что указанное требование предписано законом и является необходимым в демократическом обществе в интересах закона, в особенности в интересах охраны общественного порядка.

[...]

8.5 В заключение автор заявляет, что она не оспаривает допустимость ограничений права на мирные собрания и что предварительное уведомление о проведении общественных собраний является законной формой таких ограничений. Однако автор оспаривает конкретное применение Закона об общественных собраниях в ее случае. Она заявляет, что этот устаревший, расплывчатый и двусмысленный закон использовался полицией в качестве законного основания для того, чтобы воспрепятствовать ей выразить свою озабоченность положением в области прав человека в стране, которой руководит прибывший глава государства. Она утверждает, что это вмешательство полиции не соответствует закону и не является необходимым в демократическом обществе по смыслу статьи 21 Пакта. В этой связи она вновь подчеркивает, что, отобрав транспарант, полиция лишила ее наиболее эффективного средства выражения своего мнения.

[...]

9.2 Комитет считает, что требование уведомлять полицию о намерении провести манифестацию в общественном месте за шесть часов до ее начала может соответствовать допустимым ограничениям, изложенным в статье 21 Пакта. В обстоятельствах данного конкретного дела из информации, представленной сторонами, следует, что присутствие ряда лиц в месте торжественной встречи главы иностранного государства, прибывшего с официальным визитом, о которой было публично объявлено властями государства-участника, не может рассматриваться в качестве манифестации. Однако в связи с тем, что государ-

ство-участник утверждает, что факт демонстрации плаката дает основание считать собрание манифестацией, Комитет отмечает, что любые ограничения права на собрание должны соответствовать ограничительным положениям статьи 21. Уведомление о манифестации должно, как правило, направляться в интересах национальной или общественной безопасности, общественного порядка, защиты здоровья или нравственности населения или защиты прав и свобод других лиц. В этой связи применение финского законодательства о манифестациях к такого рода собранию не может рассматриваться в качестве применения ограничения, допускаемого статьей 21 Пакта.

9.3 Право отдельного лица на выражение своих политических убеждений, включая, естественно, его убеждения в вопросах прав человека, является частью свободы выражения своего мнения, гарантируемой статьей 19 Пакта. В данном конкретном случае автор сообщения осуществил свое право путем демонстрации плаката. Действительно, статья 19 допускает законное ограничение свободы выражения своего мнения в определенных обстоятельствах, однако в данном конкретном случае государство-участник не сослалось на какой-либо закон, допускающий ограничение этой свободы, и не доказало, каким образом ограничение, примененное к г-же Кивенмаа, было необходимым для обеспечения прав и национальных нужд, изложенных в пунктах 2а и b статьи 19 Пакта.

[...]

10. Комитет по правам человека, действуя на основании пункта 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, полагает, что представленные на его рассмотрение факты свидетельствуют о нарушении статей 19 и 21 Пакта.

11. В соответствии со статьей 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить г-же Аули Кивенмаа соответствующее средство правовой защиты и принять такие меры, которые могут оказаться необходимыми, для обеспечения того, чтобы такие нарушения не повторялись в будущем.

[...]

Примечание редактора: В своем особом (расходящемся) мнении г-н Херндль заявляет, что рассматриваемое собрание следует считать демонстрацией и общественным собранием по смыслу статьи 21. Требование об уведомлении властей о проведении общественного собрания за несколько часов до его начала соответствует положениям статьи 21. Следовательно, финские власти не нарушили статью 21, когда они наложили на автора штраф за то, что такого уведомления не было. Более того, г-н Херндль разделяет точку зрения государства-участника относительно того, что статью 21 следует рассматривать в качестве *lex specialis* по отношению к статье 19. Он делает вывод о том, что правовые нормы, касающиеся права на собрания и соответствующие статье 21 Пакта, включая ограничения этого права, которые могут допускаться согласно этой статье, будут скорее применяться к публичному митингу или мирному собранию, чем нормы, касающиеся осуществления свободы выражения своего мнения.